

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

Б Ю Л Л Е Т Е Н И

Г. А. Х. Н.

под редакцией Ученого Секретаря
Академии проф. А. А. Сидорова

2—3

МОСКВА
МСМХХУ'

Печатается по распоряжению Правления ГАХН
Ученый Секретарь
Проф А. А. Сидоров

Редакция выпуска закончена 1 марта 1926 г.

Книжный знак ГАХН

Гравюра на дереве А. И. Кравченко

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый выпуск „Бюллетеней ГАХН“, вышедший в прошлом 1925 году, носил иной характер чем предлагаемый; для данного второго выпуска „Бюллетеней“ установлена форма и содержание, имеющие быть типичными для „Бюллетеней“ и впредь.—„Бюллетени“ имеют явиться органом Академической информации. В подробных отчетах, составленных учеными специалистами, секретарями отделений и секций, „Бюллетени“ развертывают жизнь Академии, избирая для данного второго выпуска первый квартал 1925—26 академического года; предшествующие четыре года жизни ГАХН подробно освещены в официальном „Отчете“; периодичность „Бюллетеней“ должна им помочь отразить столь же подробно дальнейшие этапы Академической работы. Ближайший № „Бюллетеней“ имеет выйти летом и осветит период за первое полугодие 1926 года.

Статья, посвященная работе ГАХН на Парижской Выставке декоративных искусств, бесспорно крупнейшем художественном факте истекшего года, снова носит типический характер: в каждом № „Бюллетеней“ статьи по общим вопросам, касающимся деятельности ГАХН и изучаемых в ней дисциплин, должны ориентировать читателя „Бюллетеней“ в тех актуальных проблемах, которые ставятся жизнью перед современным художественным творчеством и исследовательскими учреждениями по искусству.

Наконец, „Бюллетень“ отводит место информации о работе столь родственного ГАХН учреждения, как Гос. Институт Истории Искусств в Ленинграде. „Бюллетени“ продолжают надеяться, что в их скромном обличии есть залог объединения и обмена подробной текущей информацией всех ученых учреждений, изучающих искусство в СССР.

Советский Отдел Международной Выставки Декоративных Искусств в Париже 1925.

На Государственную Академию Художественных Наук была возложена организация выступления СССР на Международной Выставке Декоративных Искусств и Современной Художественной Промышленности в Париже. Задача почетная, но вместе с тем задача трудная и ответственная. Выставочный опыт у Академии уже имелся: не говоря о многочисленных небольших выставках, проведенных ею в связи с ходом ее научной работы, о нескольких более крупных выставках, организованных ее научно-показательной частью, Академия осуществила первую (в послеоктябрьские годы) Всероссийскую художественно-промышленную выставку весной 1923 г. в Москве и, наконец, первое выступление СССР на заграничной выставке—на XIV-й Международной выставке искусств в Венеции с мая по октябрь 1924 года. Этот опыт очень помог: благодаря ему с самого начала работа была направлена по правильному пути, он позволил многое предвидеть и учесть. Но в то же время целый ряд обстоятельств, стоявших за пределами этого опыта, крайне осложнил задачу и работу, которые сами по себе, и по объему и по размаху, соответственно с грандиозностью Парижской Выставки и значением участия на ней СССР, превосходили те, что были связаны с предшествующими выставками. Из этих обстоятельств в первую очередь должны быть указаны существеннейшие: срок и средства. В начале сентября 1924 г. правительством был решен вопрос об участии СССР на очередной международной выставке декоративных искусств в Монце близ Милана весной 1925 года и образованный при Академии Комитет, на который было возложено проведение этого выставочного выступления, тогда же начал работу по организации Отдела СССР на названной выставке. Объем и характер выставки определяли объем работ, срок и средства, нужные для проведения их. Вскоре после признания СССР Францией последовало приглашение участвовать на Парижской выставке, это приглашение было принято нашим правительством и Комитету Отдела СССР на Монца-Миланской выставке было поручено перестроить работу, ориентируясь на выставку в Париже; от участия же на выставке в Монце

решено было отказаться, так как одновременное выступление на двух, одинаковых по характеру и совпадающих по срокам. выставках было признано невозможным. Это решение относится к первой декаде ноября, открытие Парижской выставке намечалось в начале апреля и таким образом в распоряжении Комитета, теперь Комитета Отдела СССР Парижской выставки, оставалось на проведение всех работ, считая подготовку и организацию отдела в пределах СССР и организацию и развертывание отдела в Париже, неполных пять месяцев. Если принять во внимание, что предстояло построить павильон, чего в Монце не надо было делать, что предстояло оборудовать залы, предоставленные СССР в общевыставочном здании, размером превосходящие во много раз площадь, отведенную нам в Монце, что в связи с очень большим увеличением экспозиционной площади, общим масштабом Парижской выставки и огромном значении выступления на ней СССР, следовало коренным образом переработать весь план построения Отдела и организации его, расширить задания Отдела и количество секций в нем, во много раз увеличить количество экспонатов, вместе с тем сильно повысив требования, если при всем этом учесть то обстоятельство, что все страны, не говоря уже о самой Франции, начали подготовку своих участков у себя и на месте в Париже еще задолго до того, как нами было получено приглашение—станет очевидным, что срок, остававшийся в нашем распоряжении, был катастрофически мал. Таково первое важное обстоятельство.

Второе, не менее важное,—ограниченность средств. Правда, правительство увеличило кредит в сравнении с тем, что оно давало на выставку в Монце, но увеличение это не было пропорционально увеличению масштаба Отдела СССР на Парижской выставке, его заданий и расходов, связанных с проведением кампании. Ограниченность средств крайне стесняла работу Комитета, он буквально на каждом шагу сталкивался с этим роковым вопросом, ему пришлось много внимания и энергии направить на пополнение своей кассы хозяйственным путем, ему приходилось быть постоянно на чеку, чтобы не выйти из тесных рамок и, вернее, принимать героические меры к тому чтобы, считаясь с заданиями Отдела СССР и требованиями, к нему предъявляемыми, улесться на прокрустово ложе сметы. В тот момент, когда пишутся эти строки, выставка уже позади, уже позади ликвидация Отдела СССР в Париже, но экспонаты только что прибыли обратно в СССР и предстоит огромная ликвидационная работа здесь. Еще нельзя подвести исчерпывающих финансовых итогов, но можно думать, что усилия увенчались успехом: средств хватило.

Итак, вся подготовительная работа должна была вестись исключительным темпом и с исключительным напряжением.

Ни в чем никакое промедление не было возможно. В силу этого Комитет не мог, например, организовать большой конкурс проектов павильона, а вынужден был ограничиться закрытым соревнованием нескольких приглашенных им архитекторов, которые в краткий срок должны были представить проекты, разработанные с учетом минимального количества времени, остававшегося на постройку павильона и тех скудных средств, которые на эту постройку могли быть уделены. В силу этого нельзя было предоставить многим экспонентам достаточно длительного срока на специальное изготовление экспонатов, приходилось выбирать, главным образом, из имеющейся наличности или, в некоторых случаях, ограничиваться тем небольшим выбором, который те или другие организации или отдельные лица, могли успеть приготовить. Следует иметь в виду, что момент специального изготовления ряда особо характерных и показательных экспонатов для крупных выставок, в особенности для выставок международных, всегда имеет место, так как обычная продукция кустарной и художественной промышленности, руководствующаяся рынком, далеко не всегда может полностью выражать все свои возможности. Наконец, в силу этого же нельзя было послать специальных эмиссаров для подбора предметов на местах, или вызывать отовсюду представителей для дачи подробных инструкций и указаний, приходилось ограничиваться перепиской, которая ни коим образом не могла достичь тех же результатов. Особенно затруднен был вследствие этого вопрос с экспонатами республик, которые должны были заблаговременно прислать вещи для экспертизы в Москву, срок подготовки для которых был обратно пропорционален удаленности их от центра, которые в некоторых случаях присылали слишком обширные ассортименты, в некоторых же случаях—предметы, не отвечающие общим заданиям выставки или заданиям Отдела СССР.

Основная партия экспонатов была отправлена в Париж 9-го марта и в дальнейшем до открытия нашего Отдела было произведено еще несколько незначительных дополнительных отсылок. В целом в Париж прибыло 23371 кило экспонатов (278 мест). Архитектор К. С. Мельников, чей проект павильона был премирован Комитетом, стремительным темпом вел постройку в Париже, которая, к удивлению администрации выставки, не только догнала остальные страны, начавшие сооружение павильонов гораздо раньше, но даже перегнала многие из них. Все же, если бы открытие выставки состоялось, как было намечено, в начале апреля, Отдел СССР сильно запоздал бы. Во первых, не было ни какой возможности высылать экспонаты из Москвы раньше, чем это было сделано и, следовательно, они прибыли бы в Париж уже после открытия выставки. Во вторых, при всем желании немыслимо было обо-

рудовать обширнейшие standy Отдела меньше, чем в месячный срок. В третьих: эта работа могла быть начата лишь по приезде в Париж тех членов Комитета, которым она была поручена, а задержки с визами не позволили им приехать раньше начала апреля. И, наконец, в четвертых: само развертывание Отдела, принимая во внимание ограниченность средств, имевшуюся экспозиционную площадь и количество экспонатов, не могло быть выполнено, при самой интенсивной работе, менее чем в трехнедельный срок. Но официальное открытие выставки состоялось лишь 28 апреля, при чем открывали выставку совершенно неготовую, на всей территории выставки шла стройка, лихорадочные работы по оборудованию и развертыванию, ни одна из стран не могла еще точно наметить даже срока окончания своих работ, совершенно еще не были готовы даже сами французы. Лишь во 2-й половине мая выставка начала принимать более или менее законченный вид, лишь с этого времени начали постепенно открываться иностранные отделы. Открытие Отдела СССР состоялось 4-го июня и было далеко не последним, хотя последним получил Советский Союз приглашение, хотя последним, несравненно позднее других стран, начал он организацию своего Отдела.

Отдел СССР был расположен в трех местах территории выставки: павильон СССР на Cours la Reine, standy в Большом выставочном дворце (Grand Palais) и в одной из галлерей на Эспланаде Инвалидов. Общая площадь Отдела равнялась 1530 кв. метрам, из которых на павильон падало 392 кв. м., на Большой Дворец 998 кв. м. и на галлерею Эспланады Инвалидов—140 кв. м. Нижний этаж павильона был занят национальными уголками, составившимися из экспонатов республик и экспонатов Ленинградского Русского Музея, пополнившего лучшими образцами своих коллекций пробелы в подборе предметов народного искусства некоторых республик и областей, пробелы, произошедшие по раньше указанной причине. Два зала 2-го этажа были отведены: один—организованный ГИЗ'ом и его Ленинградским отделением—искусству книги и плаката, второй—Госторгу (меха и мамонтовая кость) и „Самоцветам“. В этом же зале был Ленинский уголок с бюстом Ленина работы Альтмана. Standy Отдела СССР в Большом Дворце слагались из Кустарного зала, в котором кроме кустарных изделий и игрушки была расположена часть текстиля (248 кв. метр.), зала Вхутемаса (113 кв. м.), зала текстиля и Декоративного Института (102 кв. м.), зала фарфора и стекла (96 кв. м.), зала театра (142 кв. м.), зала архитектуры, графики, фотографии, кино и плаката (204 кв. м.) и стада Гознака (93 кв. м.). Наконец, в Галлерее Эспланады Инвалидов расположилась изба-читальня и рабочий клуб (по 70 кв. м.). Кроме От-

дела СССР, преследовавшего в первую очередь выставочные задачи, на выставке существовал торговый сектор СССР, занимавший 800 кв. м. на Эспланаде Инвалидов, являвшийся независимой от Комитета Отдела СССР ячейкой, организованной Н. К. В. Т. через Парижское Торгпредство, в ведении которого он и состоял.

Нет возможности в рамках этой статьи дать список экспонентов Отдела. Приводимый перечень классов (по которым распадалась экспонаты СССР в соответствии с регламентом выставки и жюри) с указанием количества экспонентов и предметов в каждом классе, достаточно красноречив.

	К л а с с	Количество экспонентов	Количество предметов
1	Архитектура	23	119
2	Камень	1	27
7	Ансамбль обстановки	3	3
8	Дерево	3	4
9	Мелкие изделия из дерева, кости, лака и т. д.	42	1009
11	Фарфор	5	557
12	Стекло	1	62
13	Текстиль, ковры, кружева	38	665
15	Книга, графика	79	849
16	Игрушка	28	407
20	Одежда	8	85
25	Театр	41	299
26	Плакат	46	108
28	Худ. школа	3	167
29	Обработка камня в школе	1	2
37	Фотография, кино	22	101
	Всего	344	4464

Надо иметь в виду, что вторая цифра могла бы быть увеличена, так как при подсчете количества предметов в классе, экспонаты, состоящие из группы предметов или группно смонтированные, считались за один предмет.

Уже вскоре после открытия нашего Отдела, еще задолго до того, как выкристаллизовалось мнение специалистов, лиц знающих и понимающих, еще задолго до того, как постановления жюри доказали наши победы во многих областях, можно было смело утверждать, что выступление Советского Союза на выставке—факт огромного значения. Особо регистрировать посещаемость Отдела нельзя было. Но взглянув на общие цифры посещаемости выставки, помня, что через стандарты шел непрерывный поток публики и что по субботам и праздникам наплыв посетителей был так велик, что приходилось регулировать вход, пропуская одновременно не более, примерно, 70—80 человек, можно получить примерное представление о количестве посетителей, прошедших через Отдел. По сведениям начала ноября за 6 месяцев цифра посещаемости выставки выразилась в 16180511 человек; в предпоследнее воскресенье функционирования выставки на ней перебывало 198.775 человек. Если к этому прибавить, что Отдел посетили представители прессы почти всех стран, что мы щедро снабжали журналистов фотографиями наших стандов и экспонатов, что пропаганде Отдела содействовали каталог со статьями и сборник „Декоративное искусство СССР“, что оба эти издания и фотографии посылались во многие страны по запросам оттуда журналистов и критиков, что не только во французской прессе, но и в периодической печати почти всех стран имелись многочисленные следы нашего выступления—станет ясно, какое огромное значение имело для Советского Союза его участие на парижском международном смотре.

Отдел СССР был своего рода „гвоздем“ выставки, к тому, что выставили, как обычно говорилось,—Советы (Les Soviets) или страна Советов (Le pays des Soviets) интерес был особенно обострен. Равнодушных не было: или интерес врагов, или друзей, или обывательское любопытство, но не безразличие. Общение за время выставки, как с широкой публикой, так и с представителями ведомств, прессы и искусства показало, как мало знают там Советскую Россию, какие смутные, иногда сумбурные, чаще же всего ложные, представления о ней царят там и как сильно желание узнать правду. И Отдел СССР сказал много правды, многое доказал, многое опроверг. Когда мы смело утверждаем, что наше выступление имело громадный успех, это утверждение вовсе не продиктовано „советским патриотизмом“. Совершенно очевидно, что наряду с подлинным успехом, был и „успех скандала“. Любопытство

не малой части обывательской толпы приобретало отрицательный знак. Зачастую обыватель бывал огорошен, испуган, его вкус и убеждения были шокированы. Как характерны, отнюдь не редко звучавшие, замечания о „большевистской архитектуре“ павильона, „красном бараке советов“, о „бессмысленной оранжее“, о „нищенском павильоне“, о „сумасшедшем театре“ и т. д. и т. д. Но еще чаще и обыватель и враждебно-настроенная публика вынуждены были признать, что кустарная промышленность не исчезла, что живы традиции мастерства, на основе которых в условиях новой общественной и бытовой обстановки, вырастает новая яркая продукция; что несмотря на недавние суровые годы не исчезла и крупная художественная промышленность, равным образом имеющая новые достижения, что искусство книги и издательское дело процветают, что в постановке художественного образования огромные завоевания, что театр оставил далеко позади театры других стран. Все те, чей интерес глубок, кто хотел вникнуть и кому дано понимать, не ошиблись, указывая, что советский Отдел по своему характеру должен был резко отличаться от отделов других стран, что ни в его оборудовании, ни в его содержимом не могло быть пышности и роскоши, которая так нравилась публике в других местах выставки. Никто не будет утверждать, что в смысле оборудования и подачи экспонатов наш Отдел был безгрешен, или что только у нас все было прекрасно, а у других стран ничего хорошего не было. Те, кто вел работу по Отделу, вполне чистосердечно признают, что промахи у нас были, но, не взирая на все стремления, их нельзя было избежать в силу тех условий работы, о которых пришлось говорить. Оборудование Советского Отдела ни коем образом не могло бы по внешнему блеску итти в ногу с обстановкой большинства других отделов. В ней не могло не быть некой строгости, серьезности, своеобразной простоты, соответствующих характеру содержимого Отдела. Но будь в распоряжении Комитета несколько больше средств, можно было бы в рамках принятого замысла оборудования, в полном соответствии с духом Советского Отдела внести некоторые улучшения в экспозицию, обострить и усилить в некоторых случаях подачу вещей. Но в основе взятый нашими художниками тон был вполне правилен и люди понимающие не прошли мимо этого. Не раз говорилось ими, в опровержение мнений хулителей, что Мельников дал очень талантливое и остоумное разрешение трудной задачи, что принимая во внимание ограниченность средств, он нашел своеобразные форму и стиль, что его павильон убедительное доказательство того, что архитектурная мысль у нас не замерла, не топчется на месте, а смело ищет новых путей. Был понят ими и принцип оборудования наших зал в Большом Дворце. Содержимое Советского

Отдела так же резко отличалось от содержимого большинства стандов выставки, как и обрамление содержимого. В особенности это касается французской части выставки. Там превалировали предметы роскоши, которые во многих случаях доказывали как изощренность и фантазии художников и техники, так и высокое качество производства, но которые во многих случаях свидетельствовали также, что декоративное искусство попало в тупик, что в нем явные следы дряхлости, что его стиль сплошь да рядом—перепевы давно известных мотивов, что в нем очень упорна невероятная безвкусица. Конечно, не нам было конкурировать, например, с отделами мод, драгоценностей, изделий из кожи. Но из таких шедевров, как павильон Прэнтан, как бассейн Севра, из множества изделий этой мануфактуры, множества интерьеров можно было бы организовать обширный музей дурного вкуса. В отличие в нашем Отделе были свежесть, молодость и убедительность совершенно иной целевой установки нашего декоративного искусства. Это, несмотря на предубежденность, чувствовал и должен был признать и рядовой посетитель, это отмечала и критика. Если обратиться к результатам работы жюри, мы увидим, что наши сильные стороны получили отражение в наградах. Не имея возможности привести полный список их, ограничусь цифровыми данными. Класс 1 (архитектура): 1 почетный диплом, 3 золотых медали, 1 серебряная медаль,—всего 5 наград (по этому классу К. С. Мельников, А. М. Родченко и Г. Б. Якулов были вне конкурса). Класс 2 (камень)—1 бронзовая медаль. Класс 7 (ансамбль обстановки)—1 серебр. медаль (Вне конкурса по этому классу был И. М. Рабинович). Класс 8 (Дерево)—1 серебр. медаль. Класс 9 (Таблеттери)—1 высшая награда (Grand Prix); 11 почетных дипломов, 20 золотых медалей, 3 серебр. медали—всего 35 наград. Класс 11 (фарфор)—5 золотых медалей, 8 серебр. медалей—всего 13. Класс 12 (стекло)—1 бронз. медаль. Класс 13 (текстиль, ковры, кружева)—2 почетных диплома, 1 золот. медаль, 4 серебр. медали, 3 бронзовых медали, 7 почетных отзывов—всего 17 наград. Класс 15 (книга, графика)—(вне конкурса по этому классу Д. П. Штеренберг),—2 высш. награды (Grand Prix), 1 почетный диплом, 5 золот. медалей, 13 серебр. медалей, 4 бронзовых медали, 1 почетн. отзыв—всего 26 наград. Класс 16 (игрушка)—1 высш. награда, 1 почетн. диплом. 6 золот. медалей, 12 серебр. медалей, 9 бронзовых медалей—всего 29 наград. Класс 20 (одежда)—1 высш. награда, 1 почетн. диплом, 1 золот. медаль—всего 3 награды. Класс 25 (театр)—Вне конкурса по этому классу были Г. Б. Якулов и И. М. Рабинович.—4 высш. награды, 5 почетных дипломов, 6 золот. медалей, 9 серебр. медалей—всего 24 награды. Класс 26 (плакат)—4 почетных диплома, 4 золот. медали,

6 серебр. медалей, 3 бронз. медали и 2 почетных отзыва— всего 19 наград. Класс 28 (худ. образование)—2 почетных диплома. Класс 29 (обработка камня)—1 золот. медаль. Класс 37 (фото и кино)—2 почетн. диплома, 8 золот. медалей, 1 серебр. медаль, 5 бронз. медалей, 3 почетных отзыва— всего 19 наград.

В общей сложности 197 наград, распадающихся на: 9 высших наград, 30 почетных дипломов, 60 золот. медалей, 59 серебр. медалей, 26 бронзовых медалей и 13 почетных отзывов. Кроме того 5 дипломов вне конкурса.

Хоть нельзя сделать никакого упрека администрации выставки, проявившей по отношению к Советскому Отделу величайшую любезность и корректность, хоть нельзя отнять у жюри стремления к беспристрастности, приходится констатировать, что наш Отдел существовал в атмосфере далеко не благожелательной, что враждебно настроенная пресса пользовалась всяким случаем, чтобы ругнуть, злобно покритиковать, что нибудь измыслить. Если жюри и стремилось к беспристрастию, эта атмосфера не могла не влиять на него. В некоторых случаях оно проявляло своего рода геройство, присуждая высшие награды экспонатам, которые во враждебных нам кругах расценивались как образцы опасных безумств. Но, не будь этого неблагоприятия, не пришлось бы нам в некоторых случаях воевать за награды, их было бы безусловно больше. Однако, для первого раза достаточно и того, что мы получили. Мы убедились, что в тех случаях, когда налицо имелись подлинные достижения этих лет—они не прошли незамеченными; мы должны были признать, что во многих случаях, когда расценивался предмет художественной промышленности в целом, а не только артистическая сторона, мы не могли претендовать на первенство. Так, например, в фарфоре жюри отметило ценное, новое и оригинальное в рисунках и мотивах, но дать награды выше тех, что оно установило, оно не сочло возможным: в некоторых случаях, по его мнению, не была разрешена форма вещи, новый рисунок не соответствовал старой форме, в других случаях, качество нового теста было недостаточно высоко, наконец, на вещь, безупречную со стороны художественной, было употреблено старое тесто и такая вещь не могла рассматриваться, как продукт нового производства всецело, а премированию, по регламенту выставки, подлежало лишь таковое. По этой же причине не могли быть премированы, например, Азербейджанские ковры, которые пользовались огромным успехом, и наличность которых в Отделе доказала, что это производство не исчезло, несмотря на все рассказы о смерти его. Этот пример показывает также, что не все, пользовавшееся успехом, могло быть отмечено в списках наград.

(Что ковры пользовались несомненным успехом, доказывалось количеством покупателей на них и если, несмотря на это, продано их было немного, это объясняется чрезмерно высокими ценами). Так богато представленные в зале ГИЗ'а издания национальностей привлекали большое внимание, как факт огромного культурно-политического значения, но выпали из поля зрения жюри, в силу того, что оно интересовалось искусством книги, на каковое эти издания претендовать не могли.

Переходя к экономическим результатам нашего выступления на выставке, следует прежде всего указать, что продажа, как в Отделе СССР, так и в специально торговой части (Торгсектор) не оправдала возлагавшихся на нее надежд. И не потому, что публика не интересовалась товарами не потому, что спрос на них был мал. Напротив—покупателей шли вереницы, но их отпугивала совершенная недоступность цен. Организации, не только предоставляя вещи Комитету для экспонирования, но и посылая их Торгсектору для продажи, назначали непомерно высокие цены, не считаясь с тем, что налоги (таможенный сбор, налог на предметы роскоши, торговый налог, отчисление на выставку, страховка и пр.) почти удваивают и без того высокую себестоимость товаров. В итоге часто получались цены, которые, принимая во внимание несколько раз произведенное ими впечатление, прямо таки страшно было произносить. Наблюдениями в этой области особенно богат Торгсектор. Хотя он неважно торговал в силу указанной причины, его деятельность принесла большую пользу. Нечего и говорить, что его существование имело также политическое значение, ибо в дополнение к выставочному отделу это был красочный советский уголок, где публика находила доказательства промышленной активности Советского Союза, где она воочию убеждалась в нелепости рассказов о гибели кустарного производства и о разгроме промышленности. Но кроме этого, он мог установить, какими товарами из представленной в нем области промышленности интересуется иностранный покупатель и не только розничный, но и оптовик, почему на те или другие товары спрос меньше, какие цены были бы приемлемы, на каких условиях могли бы быть установлены связи и т. д. Кроме того, он давал постоянно самые разнообразные справки и по другим производствам и направил не мало покупателей—оптовиков и лиц, реально интересующихся коммерческими связями с СССР, в местные Советские торговые органы, что, впрочем, делал и выставочный Отдел, где перебивало очень много лиц, которые, будучи совершенно неосведомлены, куда обратиться за нужными им сведениями по вопросу торговых сношений с СССР, приходили просить соответственных указаний. Итак, учет наблюдений Торгсектора и выводов, вытекающих из его

торговой практики, может быть очень плодотворен для организаций, выступавших на выставке и заинтересованных в вопросе экспорта. В заключение надо отметить, что доказательством большого интереса к искусству СССР, вызванного участием на Парижской выставке, является также ряд последовавших различных выставочных приглашений. В настоящее время происходит в Америке международная выставка новейших театральных достижений, которая, как указывали ее организаторы, не могла бы выполнить своей задачи, если бы экспонаты по театру СССР, фигурировавшие в Париже, не были на ней представлены. Значительная часть экспонатов театральной секции Отдела была по окончании выставки в Париже непосредственно оттуда направлена в Нью-Йорк.

И, наконец, участие СССР на Парижской выставке оставит по себе прочное воспоминание в рабочих кругах, ибо по просьбе Союза рабочих синдикатов Парижа, Союзу были принесены в дар павильон СССР, рабочий клуб и модель избы-читальни, фигурировавшие на выставке. Союз пожелал, как память о первом выступлении Советского Союза на международной выставке во Франции, перенести на принадлежащий ему небольшой участок земли наш павильон и открыть в нем клуб-читальню для своих членов.

Парижская выставка была трудным экзаменом и для декоративного искусства и художественной промышленности СССР и для Академии. То была прекрасная проверка своих сил и возможностей, многому научившая и опыт ее чрезвычайно ценен. Наше декоративное искусство и художественная промышленность этот экзамен блестяще выдержали, выдержала его по организации выступления и Академия.

В. Мориц.

Социологическое Отделение.

Являясь по своим задачам едва-ли не самой значительной частью в общей структуре Академии, Социологическое Отделение, отчасти в силу самой природы своей, а отчасти в силу внешних обстоятельств, испытывает большие трудности в планомерном и широком развертывании своих работ. Социологическое Отделение не только, подобно двум другим Отделениям Академии, представляет собою специфический разрез в изучении всех видов искусства. Вопросы применения социологического метода касаются и философского и физико-психологического изучения искусства. В идеале соответственно запросам современного нашего мировоззрения вся работа всех ячеек Академии должна была бы проходить в плане социологического метода. Социологическому Отделению оставались бы лишь вопросы чистой методологии и увязка всей работы Академии вокруг тех или иных общих проблем социологии искусства.

На деле это, в силу реальных жизненных причин, невозможно. Материал, прорабатываемый специалистами в той или иной отрасли искусства, зачастую в данной своей трактовке непригоден для социолога. Социологическое Отделение вынуждено самостоятельно прорабатывать под своим углом зрения отдельные виды искусства, само готовить материал для своих обобщений. Так родилась необходимость в создании четырех комиссий при Отделении: комиссии революционного искусства, комиссии социологического изучения нового русского искусства, комиссии социологического изучения литературы и комиссии по вопросам народного искусства.

Но столь расширенный круг деятельности Отделения натывается на чрезвычайно существенное препятствие, не дающее возможности развернуть работу Отделения во всех областях так, как этого хотелось бы. Это—отсутствие достаточного количества научных сил. Социологов искусства, а тем паче марксистов, чрезвычайно мало. Они все перегружены сейчас работой в такой мере, которая не позволяет им отдавать значительного времени и энергии Академии.

Все эти обстоятельства должны быть учтены в оценке деятельности Отделения, которую нельзя механически сравнивать с деятельностью других ячеек Академии.

Принимая во внимание недостаток научных сил и их чрезмерную перегруженность, а также отсутствие исторически-проработанного материала для социологических обобщений, Отделение в 1925—26 академическом году решило перенести центр тяжести своей работы с заседаний Пленума в специальные комиссии. Деятельность Отделения должна протекать теперь, так сказать, в плане „первоначального накопления“.

В результате довольно длительной организационной работы в дополнение к двум уже существующим комиссиям были созданы две новые: Литературная и Народного Искусства. Организационная трудность здесь заключалась в увязке и планировке работ этих комиссий с работами Литературной и Декоративной Секций Академии. Не дублируя работы этих последних, комиссии вместе с тем вступают с ними в контакт и используют в социологическом плане научные силы этих Секций.

Обе комиссии за отчетный период имели по одному научному заседанию. Заседание Литературной Комиссии было посвящено докладу Н. К. Пиксанова „Идеология Короленко. Ее философские и социально-политические моменты“. Докладчик, основываясь, главным образом, на новом материале дневников Короленко, пришел, к быть может, спорному, но интересному положению о необходимости изменить наш традиционный взгляд на Короленко, как на революционера. Комиссия народного искусства имела доклад Н. Д. Бартрама „Крестьянское искусство и его современное значение“. Уже этот доклад и обмен мнений по нему, указали тот путь, по которому будет развиваться работа комиссии. Вопросы народного искусства по самому существу своему, есть вопросы социологические. Комиссия, привлекая к себе тех работников других ячеек Академии, которые занимаются вопросами народного творчества, соберет богатейший фактический материал по вопросам, в той или иной мере связанным с обще-социологическими проблемами „примитивного“ искусства.

Самой старой комиссией Социологического Отделения является Комиссия революционного искусства. Она давно уже крепко сложилась и деятельно работает над изучением жизни искусства, главным образом, в эпоху Октябрьской Революции, и современного творчества пролетарских и крестьянских писателей. За истекший период здесь были заслушаны нижеследующие доклады: К. А. Кузнецова „Преломление революционных мотивов в музыкальном искусстве в первую четверть XX века“; И. Г. Званского „Направление художественно-общественной мысли архитекторов эпохи Октябрьской Революции“. Н. Я. Брюсовой „Революционная музыка“; В. А. Рождественского „Современная литература Ленинграда“; Н. В. Петрова

„К истории деятельности Московского Пролеткульта“; Н. Н. Фатова „Творческий путь А. С. Неверова“; П. И. Карпова „1905—7 гг. в сатире“; В. Л. Львова-Рогачевского „1905 год в художественной литературе“ и др.

Кабинетом революционной литературы при Комиссии в текущем году предпринята большая и очень ценная работа по составлению био-библиографического словаря писателей революционной эпохи (1900—1925 г.). Словарь будет заключать в себе 2000 имен. Размер словаря приблизительно 60 печатных листов. В настоящее время собран материал более, чем о 200 писателях.

Комиссия нового русского искусства с'организовалась в конце прошлого академического года и в этом году продолжает свою работу по собиранию и изучению материала деятельности „передвижников“. В настоящее время составлены и проредактированы карточки на нижеследующих художников: В. Васнецова, К. Савицкого, М. Нестерова, А. Васнецова, И. Крамского, М. Шишкина, Н. Ярошенко, Карзухина, Богомолова, Бодаревского, Н. Ге, В. Перова и др. Работы комиссии достигают сейчас того момента, на котором возможны уже обобщающие аналитические исследования выводы. Им были посвящены нижеследующие доклады: С. Н. Дурылина „Исторический репертуар передвижников“ и Н. М. Черемухиной „Портрет в живописи передвижников“. Результатом данной стадии работ Комиссии по изучению нового русского искусства должно быть издание сборника о „передвижническом“ периоде истории русского искусства. План этого сборника наметился в нижеследующем виде:

- 1) Передвижники и их место в истории русского художественного движения.
- 2) Возникновение передвижничества.
- 3) История передвижничества.
- 4) Теория передвижничества.
- 5) Сюжет в живописи передвижников.
- 6) Восприятие передвижничества.
- 7) Типологический очерк передвижной выставки.
- 8) Живописное мастерство передвижников.
- 9) Статистика и библиография.

На заседания Пленума Социологического Отделения выносились лишь доклады общего и принципиального характера, не вмещающиеся в рамки работ той или иной комиссии. Таких докладов за отчетный период было два. Б. С. Чернышев прочел доклад „Социальные моменты в эстетике Гегел“, в котором выявил как социологическую обусловленность основных

положений этой эстетики, так и заключающиеся в них известные мотивы. Связав некоторые марксистские положения об искусстве с гегельянской эстетикой, докладчик стремился понять последнюю не столько в историческом аспекте, сколько в ее значимости для нашего современного эстетического сознания. И. Н. Кубиков в докладе „Пионеры пролетарской поэзии“, проанализировал творчество первых пролетарских поэтов, главным образом, Авенира Ноздрина, и выявил формальные истоки их творчества, лежащие, главным образом, в сатирической поэзии 60-х гг. и наметил черты сходства и различия между ранним и современным пролетарским поэтическим творчеством.

Физико-Психологическое Отделение.

Старейшее из отделений Академии, могущее в прошлом отметить особую продуктивность и сложность своих работ, Физико-Психологическое отделение в 1925—26 году естественно продолжало и развивало свою деятельность в том направлении и плане, которые выработаны были им для себя раньше. Изучение общих физиологических, естественно научных, в первую же очередь психологических основ, являющихся базой для художественного творчества, оставалось руководящею задачей отделения и в новом академическом году.

В октябре 1925 г. шла общая работа по выявлению как желательного, так и реального плана работ отделения, намечалась необходимость по созданию новых ячеек отделения, которые могли бы своими научными исследованиями пополнить пробелы, зиявшие в плане отделения.

10-го ноября в пленарном заседании отделения был заслушан доклад В. Е. Беклемишевой на тему: „Жизнь и творчество Л. Андреева за период 1907—1918 гг.“ Докладчица обрисовала личность Л. Андреева по своим воспоминаниям о нем. В. Е. отметила, что Л. Андреев работал периодами и заканчивал произведения сразу; писатель иногда жестоко страдал, переживая состояние депрессии; в творчестве его отмечается возможность делать обобщения на основании недостаточного количества признаков.

27-го ноября В. П. Дитиненко доложила—„Творчество душевно-больного Х и его ценность“. Докладчица наблюдала больного в клинике под руководством П. И. Карпова. Больной квалифицируется как циклотимик, который в период экзальтации творил в области художественного слова, в депрессии же чувствовал себя совершенно опустошенным.

15-го декабря заслушан доклад М. Н. Райхенштейна на тему: „Негритянская скульптура, как образец примитива“. Докладчик указал, что при помощи изучения примитива можно, глубже проникнуть в механизм творческого процесса, благодаря чему Европа заинтересовалась негритянским примитивом; но последний слишком высок, почему возлагаемые на него надежды не могут оправдаться.

В комиссиях закончился организационный период и они вполне развернули свою научную работу, благодаря чему они стали питать пленарные заседания. В Комиссии по изучению примитивного искусства 28-го октября был

заслушан доклад С. Н. Петровой и Г. Н. Журиной, посвященный разработке плана собирания рисунков детей кавказских народностей, ибо собранный материал пока в небольшом количестве убеждает в том, что данные дети очень долго остаются в стадии примитива.

В ноябре Комиссией проведено четыре заседания, на которых производилась работа по организации выставки творчества.

2-го декабря заслушан доклад Е. А. Флериной: „Об экспонировании материала по творчеству дошкольников“. Докладчица предлагает разделить материал на два отдела: двигательно-зрительный и зрительно-двигательный. Каждый отдел будет состоять из рисунков, лепки построек и деревянных конструкций. Первый отдел включает композиции ритмические с двигательно-зрительным ритмом без замкнутых форм. Во второй отдел войдут замкнутые формы зрительно-двигательных композиций.

9-го декабря заслушан доклад Н. П. Поспеловой на тему „Орнамент и конструктивное творчество из дерева детей дошкольного возраста“. Детский орнамент является лишь средством охвата реальной поверхности организацией и членением ее. Детское конструктивное творчество побеждает двухмерное и трехмерное пространство, создавая соответствующие формы. Последовательные фазы развития орнамента и конструктивного творчества совпадают с общим развитием ребенка.

16-го декабря заслушан доклад А. Н. Замятиной на тему: „Постановка исследовательской работы в области психологии и форм театрального действия у детей дошкольного возраста“. На основании личного опыта докладчица устанавливает три фазы театрального развития у детей: 1) период примитивной условности, 2) требование реализма и натурализма и 3) условность, сознательно взятая как форма. В период действия ребенок творит как в области словесного, так и немного языка.

В Комиссии по изучению ритма 26-го октября производилась обработка протоколов экспериментальных наблюдений прошлого полугодия.

В декабре в Комиссии заслушаны два доклада об экспериментальных работах, произведенных над детьми, а также разработан план исследования эмоциональной стороны детской психики. Производились экспериментальные работы с детьми от 9 до 11-летнего возраста.

В Комиссии по изучению восприятия пространства в декабре было заслушано три доклада: Г. И. Челпанова „Психологическое объяснение красоты простых форм“,

С. С. Скрябина „Абстракция в процессе восприятия формы“ и В. К. Бубновой „О репродукции фигур и их положения в пространстве“. Содержание докладов сводится к изучению восприятия и затрате энергии при переработке данного акта, тесно связанного с формой раздражителя.

В ноябре были заслушаны доклады: С. А. Черниковой „Восприятие геометрических элементов в картине“. Элементы воспринимаются индивидуально: одни преимущественно воспринимают прямые линии и правильные формы, другие—кривые линии, третьи—равенство углов и т. д.

В. Н. Ланина: „Динамический принцип в эстетике пространственных форм“. В человеческой психике есть склонность по возможности объединять одновременно данное многообразие путем механическими и эстетическим. Эстетически-механическое объединение бывает трех видов: последовательное, одновременное и центральное.

17-го декабря В. Н. Ланиной сделан доклад, развивающий ноябрьскую тему.

7-го декабря заслушан доклад А. А. Фортунатова на тему: „Детские сочинения, как произведения искусства“. Доклад был сделан на основании собранного автором материала, он вызвал оживленные прения.

В Комиссии по изучению творчества душевно-больных в октябре был заслушан доклад П. И. Карпова „Сущность творческого процесса“. Докладчик дал классификацию творческого процесса и подробно остановился на характеристике интуитивного творчества, первая стадия которого складывается из индивидуальных ощущений, вторая—производит психическую сенсацию в виде готового решения, внезапно связывающегося с личностью, в третьей стадии готовое решение оформляется в стройную теорию путем аналитической проработки.

В ноябре в Комиссии заслушаны доклады В. Е. Беклемишевой и В. П. Дитиненко, которые перенесены были на заседание Пленума отделения.

7-го декабря заслушан доклад Н. М. Костомаровой на тему: „Творчество Чурляниса“. Чурлянис облакал окружающую действительность в особой ритм, им внедряемый в жизнь, им овеществляемый, им делаемый доступным восприятию, оценке и переживанию. Чурлянис ввел своими приемами в жизнь миф, усложняющий восприятие и понуждающий зрителя к творчеству. Музыкальность его картины создает особый ритм, оживляющий творческую фантазию.

21-го декабря заслушан доклад В. П. Дитиненко на тему: „Творчество больного У“. Больной изучался в клинике под руководством П. И. Карпова. В период экзальтации он

изобретал различные машины, улучшающие производство и сокращающие продолжительность работы, в период депрессии он сжигал свои произведения.

Комиссия по изучению внушающего действия слова с'организована в этом году; проработала плана будущей деятельности. Заслушаны три доклада П. И. Карпова: „Внушение, как характерная особенность подсознательной деятельности“. Докладчик охарактеризовал механизм индивидуального и коллективного мышления, далее он выявил роль митингового оратора, прокурора и заступника с приемами последних, употребляемыми для создания условий словесного внушения.

Во втором докладе П. И. Карпов изложил „Отношение центров головного мозга к ораторскому искусству“. Докладчик на примерах доказал возможность усовершенствования центров головного мозга путем упражнения. Заслушан доклад С. А. Стороженко на тему: „Речь Брута после убийства Цезаря“. Докладчик охарактеризовал состояние римской толпы, а затем разработал достоинства и недостатки речи, а также указал на причины ее неуспеха.

В декабре (14-го) заслушан доклад Т. К. Буйневич на тему: „Разбор первой речи Цицерона против Катилины с точки зрения внушающего действия слова“. Докладчица охарактеризовала общее развитие римского народа и политическое состояние страны в период деятельности Цицерона, образование и образ жизни последнего, а затем дала подробный психологический разбор его речи, оттенив его красоту построения, приемы украшения и внушающего воздействия, основанного на логической последовательности, внешней красоте, интеллектуальной доказательности эмоциональной действенности.

Философское Отделение.

Работа Философского отделения за осеннее полугодие 1925—6 г. видоизменилась, по сравнению с прошлым годом, в смысле расширения изучаемого круга вопросов с одной стороны и приобретения новых организационных форм работы с другой.

Расширение круга вопросов выразилось в том, что была организована новая комиссия по изучению философии искусства. Необходимость такой комиссии диктовалась всем ходом работ Философского отделения. Существующие до сего времени комиссии занимались, согласно плану, или вопросами истории эстетики, или проблемой художественной формы, или установлением художественной терминологии; вопросы самого искусства в целом, как культурно-социального явления, взаимодействие между разными культурными и социальными факторами и искусством, закономерность в развитии художественных эпох и стилей, анализ конкретных исторических типов того или другого искусства, взаимоотношение между разными искусствами и т. д.—все эти вопросы, несмотря на их чрезвычайную значительность и интерес, выходили из круга проблем, разбираемых в комиссиях. Кроме того можно утверждать тезис принципиального различия задач эстетики и философии искусства—в одном случае как проблемы эстетических форм и модификаций, в другом как вопросов самого искусства в полноте не только эстетических, но и внеэстетических моментов, вопросов художественной культуры и ее развития.

Все это и заставило работы, которые и без того возникали в отделении, выделить в особую комиссию.

Углубление работ отделения в смысле приобретения новых организационных форм работы выразилось в создании планов пленарных заседаний отделения совместно с секциями.

Эта форма диктовалась требованиями экономии научной работы, необходимостью взаимного обмена опытом между философами и специалистами отдельных секций, а также и между отдельными специалистами разных областей искусства. Кроме того здесь ставилась большая исследовательская задача сближения проблем отдельных искусств, выделение в них общих и специфических моментов. Разрешение этих вопросов возможно конечно только на пути кооперации научных сил разных областей. Основной темой ближайших пленарных заседаний была выдвинута проблема „стиля“, которая должна быть рассмотрена в специальных докладах, применительно к раз-

ным искусствам. В состав плана входят: 1—проблема стиля в изобразительных искусствах, 2—стиль литературно-художественных произведений, 3—философский анализ существенных признаков стиля, 4—стиль в декоративном искусстве, 5—стиль в музыке, 6—проблема театрального стиля, 7—стиль в искусстве танца.

Работа комиссий развернулась в следующем виде.

Комиссия по изучению проблем художественной формы, прежде всего подвела итоги работ прошлого года, созданием сборника вполне готового к печати (20 печ. л.). Основной темой сборника является проблема внутренней формы, рассматриваемая как в историческом так и систематическом разрезе. Здесь разбирается противопоставление внешних и внутренних форм, взаимоотношение между логическими, поэтическими и эстетическими формами, кроме того имеются критические обзоры некоторых современных теорий поэтики.

Планомерным продолжением работ комиссии явились проблема экспрессивных форм и проблема символа.

Первый вопрос был предметом специального доклада А. К. Соловьевой, в котором был дан критический разбор понятий экспрессии в лингвистических теориях Де-Соссюра и Bally. Особенно интересным и центральным пунктом этой теории является рассмотрение языка как социального явления, слово рассматривается как вещь, его назначение (*valeur*) понимается только из живого социального контекста, здесь и возникает система экспрессивных выражений, принимающая разнообразные формы фигуральности, специфической образности и характерности. Экспрессия обнаруживается через симпатическое понимание. В прениях было указано на психологизм как недостаток этой теории, была показана сложность фундированных друг на друге экспрессивных форм разного порядка и значение экспрессии для искусства.

Проблема символа разбиралась в докладе А. Ф. Лосева „Диалектическая структура символа“. Докладчик, исходя из диалектики в понимании Платона, определил символ как эйдос, развертывающийся в категориях—одного и иного, движения и покоя, становления и ставшего. В его понимании символ рассматривается как смысловое тождество логического и алогического, или как алогическая выраженность логического.

В весьма оживленных прениях после доклада была отмечена абстрактность диалектики докладчика, неправильное расширение сферы символического эйдоса на область всех вещей, вследствие чего понятие символа теряет специфический характер и не дает плодотворных выводов для искусства. Много возражений вызвало также определение докладчиком взаимоотношения между формальной и диалектической логикой.

Так как понятие экспрессии как и проблема символа теснейшим образом связаны с более обширной темой выражения, то следующий ряд докладов комиссии касался именно этого вопроса.

Второй доклад А. К. Соловьевой „Систематический анализ понятия грамматики“ состоялся в декабре 1925 года, два другие доклада А. А. Губера и Н. И. Жинкина были отнесены на следующее полугодие. Доклад А. К. Соловьевой представлял из себя анализ понятия чистой грамматики и выражения в связи с критикой теорий—Гуссерля, Шпета, Гумбольдта и Де-Соссюра. В прениях особенно спорным оказался пункт о возможности общей грамматики.

Комиссия по изучению истории эстетических учений сосредоточилась на исследовании немецкой эстетики конца XVIII—нач. XIX в.в. Работы комиссии открылись докладом Н. Д. Виноградова, в котором было сделано подробное рассмотрение трактата Гетчесона „Исследование об источнике наших идей красоты и добродетели“. Для комиссии особенно интересным был вопрос о влиянии идей Гетчесона на развитие немецкой эстетики; эта тема и была главным предметом прений и обсуждений.

Общим вводным для дальнейших занятий докладом явилась работа А. Ф. Лосева. Докладчик ставил своей целью проследить историю диалектических схем в немецкой эстетике конца XVIII века в связи с тем идеологическим фоном, на котором разворачивались эти схемы. Возражение вызвала оценка отдельных авторов (Кант, Гердер, Шиллер), недостаточная расчлененность разнородных тенденций и течений и произвольность в выборе хронологических пунктов.

Особенно интересным был доклад А. Г. Габричевского „Пластика Гердера“, имевшим не только историческое, но и актуально современное значение. Работа Гердера—одна из первых попыток самостоятельного обоснования художественной формы, единственный для того времени опыт систематического искусствоведения не как приложение к эстетике, а как ее основание. Таким основанием для пластики, по Гердеру, является анализ художественного освязания и в результате признание его первоначальности и противоположность зрению. В этом пункте обнаруживается с одной стороны оригинальность и самостоятельность Гердера, с другой стороны это роднит его с современными спорами в искусствоведении. В оживленных прениях после доклада были попытки проверить и интерпретировать анализ Гердера.

Следующий доклад В. П. Зубова „Жан Поль Рихтер и его эстетика“ (материалы к характерологическому анализу). Различая характерологический анализ от чисто эстетического

докладчик ставил своей целью рассмотреть художественные произведения Жан Поля с психоаналитической точки зрения и применить полученные результаты к объяснению его эстетики. Возникшие прения вращались главным образом вокруг самого психоанализа, ставился вопрос о принципиальной возможности применения этого метода к художественным и философским произведениям.

Настоящее время президиум комиссии озабочен приготовлением к печати работ, сделанных в прошлом году и в течение этого полугодия.

Комиссия по изучению современной художественной терминологии ставит перед собой три задачи: во первых, составление словаря художественной терминологии. Если принять во внимание, что последние словари и справочники художественной терминологии издавались в начале XIX века, т. е. более ста лет назад, то необходимость в таком издании становится совершенно очевидной. Первоначальная работа заключалась в том, чтобы составить список терминов и распределить их по количеству отведенного им места в пределах 25 печатных листов для 586 терминов. Комиссия стремится создать возможно более популярный и понятный широкому кругу читателей словарь, вместе с тем не выходящий из пределов строгой научности. Это несомненно не легкая задача выполняется тем, что все статьи как большие так и маленькие зачитываются подробно и всесторонне иногда в очень горячих прениях обсуждаются на заседаниях комиссии. Опыт зачитанных и обсужденных статей подсказал, что наиболее целесообразным является следующий план: вначале краткое определение термина, далее что история, возможно полно развертывающая основные изменения его понимания. В настоящее время заканчивается первый том словаря.

Вторая задача, стоящая перед комиссией, заключается в том, чтобы выполнить общую цель—приведение художественной терминологии в некоторое единство—независимо от словаря, что в дальнейшем могло бы вылиться в издание какого либо другого типа. Для выполнения этой цели представляемые статьи рассматриваются в систематическом разрезе применительно к современным задачам искусства.

Третья задача, к осуществлению которой комиссия приступает только в самое последнее время, заключается в создании библиографического кабинета и прежде всего терминологической картотеки с двойным указателем по терминам и по авторам. Создание такого кабинета могло бы служить большим подспорьем в научной работе.

Комиссия по изучению философии искусства, как было уже указано выше, организовалась только в октябре 1925 года. Так как само понимание проблем философии искусства было различно, то уже составление плана работ вызвало много споров. Оказалось два плана, которые кратко можно изложить так: 1-й распадается на ряд тем: а) проблема изображения личности в искусстве—портрет, биография, характеристика личности в беллетристике, музыке, архитектуре, театре, и т. д. б) приложение искусства—художественная промышленность, одежда, обстановка и т. д., в) традиции в искусстве, г) проблема перенесения характеристик в искусстве. Второй план имел в виду изучение диалектического развития искусства какой либо эпохи в его конкретных формах, например, Возрождения. После прений был принят на ближайшее время третий план—проблематика философии искусства, в порядке которого должно быть выработано понимание основных проблем и различий в философии искусства. Первой систематической работой в этом направлении был доклад А. Г. Габричевского „Философия и теория искусства“. Различения, приводимые докладчиком, кратко сводятся к следующему: философия искусства начинается с выделения специфика художественного в противоположность эстетически—прекрасному. Здесь возникает своеобразная онтология искусства и это и есть теория искусства в узком смысле слова. Во избежание натурализма и метафизики теория строится на феноменологии. К этой онтологической теории обращено собственно философское учение о художественном образе. История искусства является реконструкцией временного процесса, в течении которого реализуются внутренние формы искусства. Соответствующей философской дисциплиной, обращенной к истории является философия стиля как часть философии искусства. Таким образом теория искусства фундируется философией образа, а история философией стиля, то и другое конвергирует в художественном произведении.

В прениях была дана критика выдвинутого докладчиком понятия стиля и взаимоотношения между философией и теорией искусства. Стиль не может быть понимаем как система внутренних художественных форм. Эта форма принципиально иного экспрессивного характера, в силу этого схема, предложенная докладчиком, должна значительно видоизмениться. Доклад А. С. Ахманова ставил центральную проблему различения эстетики и философии искусства. В эстетическом сознании философский анализ должен различать с одной стороны сферу актов—восприятие, наслаждение, созерцание, с другой предметную сторону актов—красота, безобразие, изящное и т. д. Сфера эстетических предметов шире сферы искусства.

В философии искусства произведения рассматриваются в конкретности, тогда как эстетика рассматривает его только в эстетических моментах, фундированных в некотором целом. Произведения искусства, являясь фактом культуры, вводят совершенно новый круг проблем, специфических для уразумения культуры; но вместе с тем своеобразие искусства, как особой сферы культуры, лежит в его эстетических моментах.

В весьма оживленных прениях после доклада отмечалось наличие некоторого противоречия в построении докладчика; когда с одной стороны им утверждается, что философия искусства принципиально отлична от эстетики, с другой же признается, что своеобразие искусства лежит в самом эстетическом. Кроме того указывалось на необходимость для различения философии искусства и эстетики тех выразительных форм, которые имеют в виду та и другая дисциплина.

Доклад Т. И. Райнова „Стиль и мирозерцание“ исходил из критики книги Нооля одноименного названия и в противоположность автору этой книги доказывал отсутствие однозначного соответствия между стилем и мировоззрением. Стиль касается только внешних, формальных сторон произведения, тогда как мирозерцание выражает его глубину, в которой как в одном пункте сходятся не только разные искусства, но и все жизненные отношения художников к миру. В беседе после доклада была дана критика докладчиком понятия мировоззрения, а также защищался взгляд соответствия стиля как особых экспрессивных форм художественных произведений мировоззрению, как выражению тех же форм в практических мнениях и поступках художника.

Литературная Секция.

В первом академическом семестре 1925 1926 г. Литературная Секция планомерно осуществляла задания, выдвинутые ее президиумом весной 1925 г. Проблемы литературной методологии и, особенно, социологического метода наряду с разработкой крупных исторических и теоретических вопросов литературоведения, очертили круг ее работ.

Пленум Литературной Секции имел 2/XI соединенное заседание с Социологическим Отделением, посвященное публичному диспуту о книге П. Н. Сакулина „Социологический метод в литературоведении“. Были заслушаны доклады: 1) П. С. Когана „Личность автора в литературном творчестве“ и 2) Н. К. Пиксанова „Социологическая проблематика литературоведения по книге П. Н. Сакулина“. В прениях по докладам приняли участие: Б. В. Чернышев, С. Шувалов, Б. Г. Столпнер, А. Г. Цейтлин и П. Сакулин. Ряд возражений сводился к указанию на необходимость отчетливо выразить в методологическом труде позицию автора в его отношении к марксизму. В ответном слове П. Н. Сакулин указал на свое право создавать собственную систему изучения литературы, в виду того, что марксизм еще не успел выработать стройной и цельной теории искусствоведения.

30 XI Литературная Секция внесла в пленум Академии доклад В. В. Вересаева „К вопросу о художественном оформлении быта (напечатан в „Красной Нови“, 1926. I.)

Сорокалетие В. В. Вересаева было отмечено Литературной Секцией в соединенном заседании с О-вом Любителей Росс. Словесности. Оно открылось вступительным словом П. Н. Сакулина и состояло из докладов В. Л. Львова-Рогачевского „Вересаев, как художник современного нам поколения“, И. Н. Кубикова „Вересаев и русская общественность“ и И. Н. Розанова „Вересаев, как писатель“.

Псекция русской литературы, поставив своим главным заданием изучение раннего символизма, заслушала следующие доклады: С. Н. Дурылин сделал сообщение (9. X.) на тему „Александр Добролюбов“. (К истории раннего символизма). Докладчик указал, что А. Добролюбов является первым русским „декадентом“, совершенно самостоятельно пришедшим к культу личности и признанию новых поэтических форм, и оказавшим значительное влияние на ранних русских символистов (Брюсова, И. Коневского и др.). Кризис, пережитый Добролюбовым в 90-х г.г., приведший его от атеисти-

ческого „декаденства“ и эстетического индивидуализма к религиозным исканиям, завершился уходом Добролюбова в народ.

Продолжая изучение Пушкина и его эпохи, П/секция заслушала доклад А. А. Андреевой „Русский Пелам Пушкина и роман Бульвера“ (23. X.).

Докадчица отметила проникновение дендизма и байронизма в русское общество начала XIX в.—Эти настроения нашли свое отражение и в программах Пушкина к „Русскому Пеламу“. Пушкин взял за образец Бульвера, видоизменив его фабулу, сообразно с характером русской жизни.

В том же плане С. В. Шувалов сделал доклад на тему „Морфология „Дум“ и Поэм Рылеева“ (20/XI). Форма „Дум“ создана Рылеевым самостоятельно: при создании ее он воспользовался в большей мере элементами байроновой поэзии, нежели „историческими песнями“ польского поэта Немцевича. „Дума“ является воплощением литературной тенденции эпохи к построению лирического, эмоционально-окрашенного повествования об одном герое, с исключительным вниманием к его психическому миру. Поэма у Рылеева тематически и композиционно примыкает к „думе“, являясь ее дальнейшим морфологическим развитием. Поэтическая работа Рылеева находится в полном соответствии с его социально-политической идеологией.

В декабре 1925 г. в П/секции русской литературы состоялось 2-ое заседание (4/XII), посвященное докладу на плановую тему текущего года (история русского символизма). Н. В. Волькенану прочла доклад на тему: „Лирика Михаила Кузмина“. Доклад приурочен к 50-летию дня рождения писателя и к исполнившемуся осенью 1925 г. 20-летию литературной деятельности М. А. Кузмина. Доклад распадается на 4 части: 1) Культурно-биографические указания, 2) Поэтическое сознание, 3) Поэтическое творчество—темы, мотивы, общий характер, влияния и заимствования, и 4) Поэтическое творчество—внешние формы.

П/секция всеобщей литературы, занимаясь разработкой вопросов современного западного творчества, заслушала доклад Б. А. Грифцова „о сюрреализме“ (14/X). В докладе были освещены как деятельность, так и идеологическое содержание этого крайнего течения современной французской литературы.

В ноябре П/секция всеобщей литературы имела одно научное заседание, на котором были заслушаны доклады Н. Н. Лямина „Поль Клодель“ и Б. В. Горнунга „Гильом Аполлинер“. Острый и четкий, составленный в форме *essai*, доклад Н. Н. Лямина вызвал оживленные прения, в которых приняли участие В. А. Дынник-Соколова, М. Д. Эйхенгольд и др. Доклад Б. В. Горнунга имел чисто-информационный характер.

В декабре 25 г. П/секция всеобщей литературы имела одно научное заседание, на котором был заслушан доклад И. И. Анисимова „Пьер Амп“.

Подсекция теоретической поэтики, продолжая разработку вопросов общетеоретического характера, литературных жанров и стиховедения, заслушала доклад А. С. Орлова „Стилистика „Призраков“ Тургенева“, посвященный проблеме стилистических источников „Призраков“. В докладе внимательному рассмотрению был подвергнут вопрос о влиянии отрывка „Жизнь“ Гоголя и „Сильфиды“ Одоевского на создание „Призраков“.

Доклад В. И. Гливенко „Лирический пейзаж у Фета и Пастернака“ был посвящен, преимущественно, теоретическому рассмотрению проблемы лирического пейзажа. Этот жанр был охарактеризован докладчиком со стороны его фигуративной формы и специфических особенностей его лирического единства.

В докладе „Сущность основы метрики в классической (силлабо-тонической) и в метро-тонической теориях стиха“ (18/XII) М. П. Малишевский подверг суровой критике силлабо-тоническую теорию метрики, доказывая ее несостоятельность при исследовании ограниченных явлений стиха. По мнению докладчика, нововведение в теории стиха является следствием отказа от классических принципов. Их дальнейшее углубление приведет к превращению классической теории в теорию метро-тоническую, исходящую из анализа фактов физиологии речи.

Фольклорная Подсекция, продолжая разработку вопросов истории и методологии народной словесности, заслушала доклады: О. Э. Озаровской „Поездка в Архангельскую губернию летом 1925 года“ (1/X) и „Анализ обряда северной свадьбы“ (12/X). В своих докладах О. Э. Озаровская ознакомила слушателей с подробной записью обрядов, песен, причетов, и прибауток наблюдающейся ею (в дер. Карпова гора) свадьбы, а также дала сравнительный анализ веселой „скоморошьей“ Пинежской свадьбы с более торжественной Кулайской свадьбой. В прениях по докладу оппоненты останавливались, преимущественно, на методологии записей обрядов и исторической их интерпретации (приурочение Пинежской свадьбы к Московскому обряду, а Кулайской—к Новгородскому), а также на социально-психологических и экономических основах обрядности.

Ю. М. Соколов в докладе „Верхне-Моложский край“ (26/X) ознакомил слушателей с богатыми материалами (обрядовые—календарные и свадебные песни, лирические и сатирические частушки, весенняя обрядность, монастырские легендарии и т. д.), собранными экспедицией 1925 г., а также осветил глубокие экономические, культурные и психологические

контрасты, отражающиеся в устном творчестве современной деревни. В прениях по докладу был выдвинут вопрос о взаимодействии фольклора разных народностей, сожителствующим в одной местности.

В ноябре месяце Фольклорной П секцией были заслушаны 4 доклада: информационное сообщение Б. М. Соколова „Об экспедиции в Марийскую и Вотскую области“, доклад К. П. Герда: „Вотяк в своих песнях“, часть 1-я. „Песни о песнях“ (9 XI), доклад ойрата-собираателя Г. П. Токмашева: „Об ойратских героических поэмах“ и доклад Г. Н. Поспелова „К теории поэтического образа“ (23/XI).

В прениях по докладам о фольклорном творчестве национальностей (доклады К. П. Герда и Г. П. Токмашева) неоднократно подчеркивалась огромная культурно-историческая ценность памятников народного творчества и необходимость всемерной их охраны и использования как высоко-художественных произведений национальной литературы. В прениях по докладу теоретического характера (доклад Г. Н. Поспелова) выяснилась крайняя неотчетливость и не согласованность применяемых фольклористами и историками литературы терминов и необходимость тщательной разработки соответствующих проблем.

В Комиссии Художественного перевода был заслушан доклад Д. С. Усова и А. Г. Челпанова: „Народные песни Элады“, посвященный переводу древне-греческих народных песен, сделанному докладчиками по принципу эквиметрической передачи текстов подлинника (21/X).

18/XI заслушан доклад Р. И. Шор „О современных русских переводах“, в котором докладчица осветила неудовлетворительное состояние переводческого дела в России в настоящее время как со стороны самих переводов, так и выбора литературы для перевода.

16/XII заслушан доклад Е. М. Рыта на тему: „Окраска места, времени, народности, переводимого языка, общественной среды (*colour locale*) в свете основных принципов теории перевода и литературы вообще“. Докладчик указал на недостаточную разработку вопроса о *colour locale* в теоретической литературе и становился на недочетах переводов, в которых неправильно понимается этот прием. Главное, с чем надо считаться в переводе—это интересы читателя, для которого текст перевода должен быть вполне понятен.

С начала академического года открыла свою работу Комиссия живого слова докладом А. М. Пешковского на тему: „Интонация и синтаксис“. Сущность доклада сводилась к выяснению роли интонации и синтаксиса в устной речи и к установлению их постоянного соотношения. Доклад

вызвал оживленный обмен мнений. Среди оппонентов (Р. И. Шор, М. Н. Петерсон, И. К. Линдеман, О. Э. Озаровская и др.)—были отрицавшие наличие определенного взаимодействия и взаимопомощи интонации и синтаксиса в устной речи.

Доклад Н. Н. Вознесенского на тему: „Проблема изучения лекторского искусства“ (27/X) подчеркивал необходимость введения принципа НОТ в лекторское дело и указывал на те ошибки, которые происходят от недостаточного усвоения лекторами этого принципа.

Среди оппонентов (Д. Н. Егоров, С. И. Радциг, Д. Н. Ушаков, А. А. Петров, А. С. Поль, О. Э. Озаровская, А. К. Шнейдер и др.) были высказавшиеся в том смысле, что лекторское искусство как таковое, по природе расточительно, и что связывать лектора принципом НОТ—значит связывать его плодотворную работу.

Д. Н. Егоров в докладе: „Лекторские типы“ (10/XI.) подчеркивая, что лекторское дело по своей сущности—дело строго индивидуальное, тем не менее наметил в своем докладе следующие типы лекторов: лектор-публицист, лектор-изобразитель и лектор-мыслитель, иллюстрируя эту схему или примерами из истории или личными наблюдениями над лекторами (Трейчке, Гизо, Ренан, Ключевский, Зиммель и Траубе).

Шнейдер, А. К. в докладе на тему: „Рассказчик“ (24/XI.) наметил ряд признаков, отличающих рассказчика от смежных с ним представителей других видов Живого Слова (декламатор, актер, оратор и др.), отстаивая искусство художественного рассказывания, как самостоятельный вид Живого слова. 8/XII состоялся доклад Ф. И. Коган „О сказе стиха“.

Комиссия по изучению Достоевского заслушала (28 X) доклад В. С. Нечаевой о поездке летом этого года в бывшее имение Достоевских—„Даровое“. Сообщив свои наблюдения над отражением деревенских впечатлений в творчестве Достоевского, В. С. Нечаева поделилась впечатлениями от современного состояния „Дарового“, а также ознакомила присутствующих с вывезенными оттуда материалами (вспоминания М. А. Ивановой).

После доклада состоялся обмен мнений, причем по инициативе В. Ф. Переверзева было принято постановление ходатайствовать о дальнейшей охране „Дарового“ перед Научно—Худ. Секцией ГУС'а.

30/X соответствующее заявление от имени Комиссии было передано в ГУС. В том же заседании 28 октября был заслушан доклад Ф. Ф. Бережкова на тему „Основные линии современного изучения и оценки Достоевского на Западе“. Докладчик дал обзор и оценку наиболее выдающихся

трудов по Достоевскому, появившихся в Англии, Франции и Германии в течение 1916—1925 г. г. Наиболее подробно он остановился на оценке Фрейдовского метода в книжке Нейфельда о Достоевском.

Доклад, особенно в последней части, вызвал оживленные прения, в которых приняли участие: В. Ф. Переверзев, Г. И. Чулков, П. С. Попов и др. члены.

17 ноября состоялось торжественное годовое заседание, посвященное памяти Достоевского (в связи с днем рождения писателя). Г. И. Чулков в своем вступительном слове развил мысль о том, что Достоевский, несмотря на связь некоторых идей его с славянофильством, по природе своего гения был революционером. Пророческий дух поэта не мирился с прочно установленными формами государственности и быта. Вот почему он ближе современности, чем России до-революционной. Не случайно либералы не любили Достоевского и не случайно в СССР он нашел аудиторию. Ему, врагу „безбожной“ революции, простили все, даже страстный его памфлет „Бесы“, потому что разгадали в нем великую силу, разоблачающую и отрицающую старый буржуазный порядок.

После вступительной речи Г. И. Чулкова, был заслушан доклад В. Г. Сахновского, на тему „Достоевский и театр“. Докладчик поставил вопрос о том, можно и нужно-ли ставить романы Достоевского на сцене театра. Положительный ответ на этот вопрос возможен лишь в том случае, если видеть в инсценировках романов Достоевского не простые иллюстрации к ним, а особый способ читать и понимать Достоевского.

2/II был заслушан доклад С. Н. Дурылина „К. Леонтьев и Лесков о Достоевском“, осветивший своеобразную борьбу с Достоевским двух родственных ему умов.

Театральная Секция.

Театральная Секция, в связи с общим организационным планом Академии разделена на 3 основных П секции: Историческую (по Социологическому Отделению), Психологию Театрального Творчества (по Физико-Психологическому Отд.) и Теории Театра (по Философскому Отделению) и на следующие Комиссии: Комиссию Современного Репертуара, Комиссию по изучению Революционного Театра, Комиссию по изучению рабочего Зрителя, Комиссию по изучению Автора, Комиссию по изучению Островского.

П/секция Истории театра сосредоточила свою работу преимущественно вокруг изучения неопубликованных материалов, одновременно изыскивая методы изучения различных проблем, возникающих в связи с историей театра. Таким образом были заслушаны доклады О. Э. Чаяновой „Об устройстве театра Медокса“ и Н. П. Кашина „О крепостном театре Юсупова“, Н. М. Мендельсона „Об архиве Римского-Корсакова“. Все три доклада вошли в общий цикл работ Секции по изучению крепостного театра и театра переломной эпохи (конца 18-го, начала 19-го века). Все докладчики в качестве одного из методологических требований выдвинули необходимость изучения театра в связи с установлением общественной атмосферы, бытового обрамления, топографического окружения театра и т. д. Особенно явно было выполнено это методологическое требование О. Э. Чаяновой, которая реконструировала театр Медокса и проследила его архитектурное и сценическое оборудование в связи с бытовым отпечатком Москвы 17-го и 18-го веков и нашла в сценическом оборудовании полное соответствие требованиям иллюзорного театра той эпохи. А. А. Бахрушин дал ряд материалов, касающихся деятельности Мочалова и характеризующих его с новой стороны, и как актера, и как творческую личность (сообщение основано на письмах Мочалова, на воспоминаниях Орловой и Чаева). Н. А. Попов на основании неопубликованных материалов сделал доклад о В. Ф. Комиссаржевской. В связи с юбилеем декабристов Н. Л. Бродский сделал доклад об отражении декабризма в русской драматургии, поставив изменяющееся освещение образов декабристов и различие приемов в связь с изменением эпохи, создавшей то или иное художественное произведение (общественная атмосфера социальных перегруппировок).

В основу деятельности П/секции и теории театра было положено сообщение В. Г. Сахновского, который выдвинул основным предметом занятия П/секции вопрос о театре, как предмет театроведения и подчеркнул необходимость рассмотрения театра по следующим, пересекающимся линиям: с одной стороны материала, формы и содержания, с другой—актера, текста, режиссера и сценического пространства. Обширная программа работ, выдвинутая Сахновским (Сахновский прилагает первые три раздела к выдвинутым им четырем основным принципам театра и рассматривает каждый из этих принципов согласно понятиям материала, формы и содержания) вызвала появление следующих докладов: доклад Л. Я. Гуревич на тему „Библиография о предмете театра“, в котором рассмотрен ряд научных определений, дававшихся театру в различное время теоретиками и практиками театра, и вызвавший большие прения доклад П. М. Яковсона „Театр, как предмет театроведения“, в котором докладчик пытался определить театр, не как отдельный исторический памятник, и не как создание культуры, а как художественный предмет („Театральный предмет есть некоторое действие, развертывающееся в пространстве и времени, отличное от действия обрядового, состязательного и т. д.“. В дальнейшем докладчик анализировал символический характер театрального действия и его смысловой осто́в).

П/секция по изучению актерского творчества велла подготовительные работы по коллективной работе над изучением психологии театрального творчества. Выработан план театрального сборника, который должен составиться в результате коллективной проработки ряда докладов. Из докладов были заслушаны: доклад В. А. Филиппова „Эволюция сценического образа Чацкого на Малой сцене“ (опыт методологического изучения истории роли с точки зрения толкования основного зерна роли и с точки зрения сценических приемов) охватывает историю „Горя от ума“, начиная от первых представлений, вплоть до нашей современности. Доклад А. П. Петровского: „В. Н. Давыдов“, основанный на подробном анализе приемов игры и репетиционной работы и на личных наблюдениях докладчика над творчеством Давыдова в течение 40-летнего периода. Докладчик рассматривает Давыдова в качестве завершителя традиций актерской школы 19-го века.

Комиссия по изучению зрителя заслушала доклады Н. Л. Бродского „Опыт изучения зрителя“ и В. А. Филиппова „Театральная экскурсия, как метод изучения зрителя“. Оба докладчика пришли к необходимости соединить три метода (анкетирование, экскурсионный и непосредственное изучение реакций зрительного зала), приведя их к строгому единству. На основании выдвинутых тезисов была выработана

анкета для квалифицированных зрителей и анкета для определенного спектакля. В дальнейшем Комиссия заслушала доклад Н. И. Кубикова „Общественные группировки в восприятии искусства“, в котором докладчик анализировал характер восприятия искусства различными общественными группировками и подчеркнул возможность специальной отчужденности той или иной группировки от данного произведения искусства и возможность неподготовленности зрителя и читателя, которые могут явиться причиной разрыва между сценой и зрительным залом.

Комиссия по изучению творчества Островского заслушала доклад Р. П. Маториной „Творческая история Грозы“.

Комиссия по изучению автора заслушала доклад А. А. Новикова „О факторах сценичности пьесы“, при чем докладчик выдвигает в качестве научного определения сценичности понятие эмоционально-смыслового движения пьесы, носителями которого являются психологические комплексы.

На пленарных заседаниях Секции были заслушаны два отчетных доклада П. А. Маркова: „Современное театроведение в Германии“ и „Театры Запада“, явившиеся результатом выполненной им по поручению Секции заграничной командировки. Первый доклад был посвящен характеристике и анализу методов театроведения и постановке преподавания театроведения в Германии. Практическим результатом его является установление связи с Берлинским Институтом Театроведения.

Второй доклад был посвящен анализу театрального быта и классификации итальянского актерского искусства с одной стороны, и современного германского театра с другой.

В день столетия со дня рождения А. Н. Плещеева было устроено торжественное заседание его памяти с докладом Н. Л. Бродского „Плещеев. Личность и творчество“ и с концертным отделением.

В день второй годовщины смерти первого председателя Секции Н. Е. Эфроса в помещении Бахрушинского музея было организовано заседание памяти покойного с докладами Бахрушина и Волкова.

Музыкальная Секция.

Научная работа Музыкальной Секции протекала в осеннем полугодии 1925 г. в трех Подсекциях: Истории Музыки, Теории Музыки и Музыкальной Психологии. При подсекции Теории Музыки функционировали три комиссии: по изучению Музыкальной Эстетики, Метро-тектонического анализа и Биометрического метода исследования.

Подсекция Истории Музыки — на первый план выдвигает изучение русского музыкального искусства. Подготовка коллективного труда, который обхватывал бы собою совокупность творческих итогов русской музыкальной эволюции — на фоне социального ее фундамента, является конечной целью в плане деятельности подсекции. При этом специфические русские элементы музыкального пути не отсекаются искусственно от общеевропейских и мировых путей, по которым двигалась и движется музыка. Если первые три печатные тома работ подсекции были посвящены преимущественно чисто русским проблемам, то в данный момент Подсекция приступает к осуществлению задачи обследования обширной темы. „Бетховен и русская музыка“ (юбилейный сборник). Очередная работа Подсекции включала в себя следующие доклады: В. М. Беляев „Начало Беляевского Кружка“ (Доклад В. М. Беляева основан на непосредственных записях воспоминания Н. С. Лаврова, бывшего членом названного кружка. Воспоминания Лаврова представляют ценный материал для характеристики М. П. Беляева, а равно и среды музыкантов того времени). Б. С. Веселовский — „Опыт нового перевода — „Зимнего путешествия Шуберта“. (Знаменитый цикл Шуберта-эмбрион „пролетарских настроений“ дан здесь в новой русской стихотворной редакции докладчика). Цикл был исполнен на заседании В. С. Кузнецовой и Н. С. Жилиевым. Н. С. Жилиев „Глебов о Скрябине“. (Н. С. не соглашается с комментированием Глебова основных мыслей Скрябина и осуждает его, Глебова, стиль, который он находит неясным и претенциозным). К. А. Кузнецов — „Новое и старое о Глюке“. (В своем докладе К. А. Кузнецов знакомит с новейшей литературой о Глюке, этом великом революционере середины XVIII века, подлинном творце „музыкального классицизма“). С. С. Попов „Неизданные письма Бородина“. (Из сообщенных докладчиком 16-ти писем Бородина — 9 адресованы М. А. Балакиреву, 4 — В. В. Бесселю и 3 — С. И. Танееву). С. С. Попов „Вновь найденная бытовая сцена у Мусоргского“. (По мнению докладчика Мусоргский не опубликовал

композиции, потому, что она не удовлетворяла его; однако, он сделал отсюда заимствования для своего „Бориса Годунова“). Л. Л. Сабанеев „Автореферат о книге—„Воспоминания о Скрябине“. (Автор не решал никаких предвзятых проблем, имел лишь в виду обрисовать психологический и творческий лик Скрябина, а равно и его „окружение“). З. Ф. Савелова „Фортепианная пьеса начала XIX в.—музыкальная „программа“ пресненских гуляний“. (Пьеса эта, автором которой является Р. Гранмэзон, заслуживает внимание как опыт „музыкальной живописи“ и любопытный образец музыкального вкуса того времени). С. Л. Толстой—„Лопатин и Прокунин“. Очерк их жизни и трудов. (Докладчик придает большое значение трудам названных авторов в области русской народной песни. Большого внимания заслуживают их сборники: 1) Прокунина—63 народных песни; 2) Лопатина—тексты народных песен и 3) Лопатина и Прокунина, в котором литературная часть, как-то: введение, комментарии к песням, тексты—составлены Лопатиным; напевы же записаны Прокуниным и им гармонизованы).

В Подсекции Теории Музыки—заслушаны доклады: В. М. Беляева „Современная музыка в Европе“. (Автор доклада кратко изложил историю Интернационального Общества Современной Музыки, а также затронул вопросы о новых течениях в музыке и о влиянии русской музыки на европейскую). В. М. Беляев—„Нотные записи Чайковского в книгах его библиотеки в Клину“. (Попытка восстановления методов работы Чайковского в области вокального искусства посредством изучения его нотных заметок на полях книг, которыми он пользовался для текстов).

Н. Я. Брюсова „Революционная музыка“. (Попытка выяснить форму революционного музыкального произведения. Автор доклада полагает, что в художественном произведении, передающем революционный под'ем, высота революционной цели будет выростать не в виде абстрактной идеи, а в виде вершины, достигнутой движением от простых человеческих чувств). Г. Э. Конюс „О неизбежности временных основ художественной музыкальной формы“ (с демонстрацией ряда образцов собранного этнографического материала). Г. Э. Конюс. „Об абсолютном равновесии в музыкальном строительстве и об отклонении от него“. (Цель доклада—доказать на примерах, что абсолютное равновесие встречается в музыкальном зодчестве в громадном большинстве случаев. Примерами послужили целые циклы образцовых музыкальных произведений, а именно: „Песни без слов“ Мендельсона, фуги Баха, все этюды Шопена, 10 первых сонат Бетховена). А. Ф. Лосев „Непосредственные данные музыки“: по поводу книги Буцкого. (К положительной

стороне книги А. Ф. Лосев относит попытку автора опереться на живой музыкальный опыт, к отрицательной—чрезвычайную краткость некоторых глав и совмещение общеизвестных истин с мыслями новыми.) Э. К. Розенов „Гармония, вытекающая из унтертонного и обертонного соединения“. (Докладчик демонстрирует созвучия, выводимые из унтертонного и обертонного соединения и выясняет сходство их). Л. Л. Сабанеев „Проблема света в музыке у Вагнера“. (Доклад, связанный с работой автора по вопросу о цветном слухе).

Подсекция Музыкальной Психологии продолжала, главным образом, свою экспериментальную работу. Эксперименты по исследованию лада вели С. Н. Беляева—Экземплярская и Б. Л. Яворский; по исследованию музыкальной симметрии—Э. К. Розенов при содействии М. И. Медведевой: по цветному слуху проводились: анкетные исследования Л. Л. Сабанеева и экспериментально-лабораторные Е. А. Мальцевой: 1-я серия исследования лада закончена и находится в печати под названием „Восприятия ладовых мелодических построений“. По исследованию музыкальной симметрии проводились опыты над группой учащихся Гос. Муз. Техникума имени В. В. Стасова. К работе Подсекции привлекаются и начинающие исследователи, так практикантка Л. В. Благонадежина под руководством С. Н. Экземплярской, производила экспериментальную работу по музыкальному узнаванию. Обращается особое внимание на то, чтобы при распределении тем получался коллектив работы, чем повышается ценность каждого отдельного исследования. Своей работой Подсекция тесно связана с Подсекцией Теории Музыки и Психо-Физической Лабораторией.

Комиссия по Музыкальной Эстетике исследовала формы разнообразия в связи с формами единства. За элементарное построение приняли простой мотив, составленный из минимальной группы звуков, объединенных одним интонационным центром; сложные мотивы рассматриваются, как составленные из простых. Произведены исследования форм разнообразия при разработке простых мотивов в их соединении в мелодиях и целых произведениях разных авторов. Формы разнообразия классифицированы по видам и сопоставлены с исследованными ранее формами: пропорциональности прогрессивности, симметрии и золотого сечения.

Работа Комиссии Метрико-Тектонического Анализа проводилась по двум направлениям: 1) демонстрация готовых анализов Г. Э. Конюса и 2) самостоятельная практика сотрудников. Г. Э. Конюс проанализировал пятнадцать сонат Бетховена. Из них 6—включающих 22 музыкальные номера—рассмотрены коллективом комиссии.

Основная цель Комиссии Биометрического Метода Исследования — отыскание позитивных характеристик стиля. По этому вопросу был сделан доклад Л. Л. Сабанеевым. Сущность метода заключается в учитывании частоты встречаения отдельных оборотов или типов и в выражении числом модуса измерения этой частоты-фреквенции. Комиссия начала свою работу с вычисления встречающихся гармонических фреквенций у Моцарта (М. В. Иванов-Борецкий) и Скрябина (Л. Л. Сабанеев). Намечено составлять графики отдельных авторов и, в дальнейшем, графики „школы“. В работе комиссии принимают участие практиканты под руководством М. В. Иванова-Борецкого и М. И. Медведевой.

Секция Пространственных Искусств.

Конец 1925 года был в значительной мере временем перестройки ячеек Секции Пространственных Искусств, а также перевыборов ее научного персонала, что несомненно не могло не отразиться на ее непосредственно научной работе; тем не менее следует отметить, что последняя, начавшись фактически с конца октября, все же успела в течение ноября развернуться по фронту всех ячеек к Секции.

Так, в ноябре 1925 г. состоялся доклад И. Я. Корницкого на тему „Марксистская методология и наука об искусстве“. Докладчик, охарактеризовав общую марксистскую методологию, отметил необходимость для марксистского искусствоведения установления общих эстетических понятий. Эти общие определения должны быть диалектически развернуты в живых формах действительного искусства в его движении.

В прениях было указано на то, что докладчик не показал в своей работе отличия марксистской истории искусства от диалектической, не достаточно затронул классовый момент в произведении искусства. Докладчик говорил лишь об искусстве в классовом обществе, между тем как последнее может существовать и в безклассовом обществе, и что положение докладчика подходит к вещи, как она есть, не выдерживает критики, равно как и положение докладчика о том, что искусство отображает, главным образом, общественные отношения.

В соединенном заседании под секции общей Теории со Скульптурной Комиссией состоялся доклад Д. С. Недовича на тему „О контр-рельефе“. Докладчик считает, что понятие контр-рельефа выясняется лишь в связи с понятием рельефа, антиподом которого он является. Контр-рельеф есть сознательно не классическое и мнимое искусство.

В прениях отмечалось, что докладчик дал характеристику контр-рельефа, не как особого вида искусства, а как представителя известного направления, а также, что сравнение контр-рельефа с одной только скульптурой не выясняет вполне его сущность; что контр-рельеф не может быть принят как показатель современной скульптуры; что не все контр-рельефы являются антиподами классическому рельефу, и что в контр-рельефе по преимуществу имеется акт разрушения, изобразительности материала и др. элементов искусства.

В Секции Эволюции Художественной формы состоялось 5 докладов, которые явились осуществлением прог-

раммного задания п секции на 25/26 г. а именно: „Взаимоотношения русского искусства с Востоком и Западом“.

Доклад А. И. Некрасова (28/X) „Некоторые моменты новгородского орнамента“ (Скандинавская проблема на русской почве), установил теснейшую связь новгородского книжного орнамента с орнаментом скандинавским, который приходит к близости с первым от противоположных художественных выражений.

Доклад Ф. И. Шмита (11/XI) „Источники древне-русского искусства“ касался общих вопросов генезиса русского искусства и предложил методологическую программу для правильного решения вопроса. Доклад вызвал возражения по существу предлагаемой методологии.

Доклад М. В. Алпатова (25 XI) „Икона Распятия в Московском Успенском соборе“ (К греко-восточной проблеме в русском искусстве) установил в византийском искусстве три основных компоненты — репрезентативную, дополнительную и разделительную. Рассмотренный с этой точки зрения памятник был определен стилистически, хронологически и локально. В прениях указывалось на некоторую условность предлагаемых понятий.

Доклад Н. И. Брунова (9/XII) „Ориентированное в ширину пространство в восточно-христианском и древне-русском зодчестве“ исходя из установления двух типов пространства обнаруживает стремление к латитудинальности в русских храмах, что объясняется специфической психикой русского народа. Принцип латитудинальности характерен для восточной архитектуры. Доклад вызвал частичные возражения.

Доклад П. Б. Юргенсона (23/XII) „Архитектурная форма в древне-русской металлической утвари“ дал ряд ценных наблюдений над отражением реальной архитектуры в формах утвари, наметил известную эволюцию в понимании этой проблемы и установил взаимоотношения в этом смысле с Западом. Доклад вызвал некоторые возражения по части его структуры.

В П/секции Современного Искусства, после нескольких организационных заседаний, где был выработан план работы П/секции, 5/XI—25 г. состоялось первое открытое заседание, был прочитан доклад Б. Н. Терновца „Современная итальянская живопись“, в котором докладчик дал общую характеристику итальянского искусства 19-го века. Затем им были охарактеризованы современные течения в итальянском искусстве, отмечено разложение футуризма, указано на возвращение к традиции. Далее Б. Н. Терновец дает характеристику искусства Казорати, Оппи, Спадини.

В заключение Б. Н. Терновец ставит вопрос о связи искусства неоклассиков с фашизмом. В ответ на возражение против оценки докладчиком итальянских художников, которые в действительности все подражают французам, докладчик в заключительном слове продолжал отстаивать самостоятельность итальянцев.

Заседания 19/XI и 3 XII посвящены заслушанию и обсуждению биографических анкет: В. А. Адарюкова „Средин“, К. С. Кравченко „А. И. Кравченко“, „С. М. Шор“ „Рейдемейстер“, Б. Н. Терновца „Рождественский“, А. И. Аристовой „Львов“, В. А. Сидоровой „К. Ф. Юон“, Н. В. Яворской „И. Э. Грабарь“.

22/XII Н. В. Яворской был прочитан доклад „Последние работы Пикассо“, в котором была дана характеристика работ Пикассо с 1915 по 1925 г., отмеченных стремлением к предметности и эстетизму и указано его значение для современного французского искусства.

В Комиссии Архитектуры за отчетный период состоялось два доклада. Доклад М. Я. Гинзбурга „Проблема пространства в мечетях Константинополя и Бруссy“ установил важное наблюдение в области пространственных решений восточной архитектуры, именно—развертывание пространства в ширину. Доклад С. А. Топоркова „Архитектурные формы русских надгробий с половины XVIII века до 50-х гг. XIX в.“, на богатом диапозитивном материале, в большинстве неопубликованных памятников, показал принципы композиции и развитие типов надгробных памятников.

В Скульптурной Комиссии состоялись доклады М. М. Кобылиной на тему „Трактовка волос в римской скульптуре от эпохи имп. Адриана до эпохи имп. Константина включительно“. Докладчица характеризовала развитие трактовки волос в римской скульптуре в эпоху от Адриана до Каракаллы, как скульптуру, в которой постепенно развивается и нарастает импрессионизм и живописность. Эпоха Константина характеризуется обобщенностью форм. В прениях отмечались некоторые параллельные явления между римской скульптурой и литературой, и архаичность скульптуры эпохи имп. Константина.

В докладе Г. В. Жидкова на тему „Сассанидская скульптура“ докладчик характеризовал путь развития сассанидской скульптуры, как путь от пространства к плоскости, от формы к линии, от драматической композиции к композиции орнаментальной. Докладчику были сделаны следующие возражения: момент пространственного построения не является столь важным в сассанидском искусстве, как проблема композиции или масштаба изображения фигур; в сассанидском искусстве должна была иметь видное место круглая монументальная скульп-

тура; в рельефной скульптуре наличие римских элементов имеется, также был поднят вопрос о причинах, которые могли вызвать отсутствие круглой скульптуры в сассанидском искусстве.

В докладе В. Д. Блаватского на тему: „Пространство и элементы пейзажа в античной круглой скульптуре“ докладчик характеризовал развитие пространства и пейзажных элементов как постепенное нарастание реалистических тенденций, которые от начальной стадии почти полной абстракции приводит к почти полному иллюзионизму.

В Комиссии по Изучению Живописи состоялись следующие доклады: А. И. Некрасова (13/XI): „Явления замкнутого пространства в русской живописи XVI в.“, Н. М. Тарабукина „Ритм и композиция в древне-русской живописи“ (13 XII г.), М. В. Алпатова „Колорит в древне-русской живописи“ (15/I-26 г.).

Все эти доклады, посвященные древне-русской живописи интересны тем, что здесь к исследуемому материалу докладчики подходили с искусствоведческой точки зрения, которая в работах по древне-русскому искусству все больше и больше заявляет права гражданства, и вместе с соответствующим докладом по П/секции Эволюции Формы и Комиссии по изучению Архитектуры содействует все более отчетливому выявлению своеобразного стиля древне-русского искусства, его отличия от византийского и западного искусства. Необходимо отметить, что доклад М. В. Алпатова начинается собою целый ряд работ, посвященных колориту в русской живописи, цикл, который предпринят к проведению Комиссией по изучению Живописи.

В Комиссии по изучению Графических Искусств состоялись доклады: А. А. Федоров-Давыдов „Ленинградская школа графических искусств“ (29 X). Докладчиком были отмечены преобладание в работах ленинградских граверов чистой графики под гравюрой, а также влияние „Мира Искусства“.—А. А. Сидоров „Гравюры Бернардовского“. Докладчик устанавливал по возможности полный репертуар произведений Бернардовского и его стиль, основываясь на остальных сравнениях его гравюр с гравюрами его школы (40-х годах XIX в.). М. А. Добров „Место гравюры среди пространственных искусств“. Позднее докладчик указал на то, что его доклад имел в виду выявить место гравюры в ряду графических искусств, исходя из анализа физических и психофизических явлений. С. А. Клепиков „Русские народные картинки 17-го и 18-го в.в., резанные на дереве“ (15 XII г.). Докладчик отметил исключительно сильные гонения цензуры на лубки со светским содержанием. Зачастую целые издания

подвергались уничтожению. В докладе были отмечены сильные влияния Запада. Докладчик менее остановился на гравюрах 18 века.

Доклад В. Я. Адарюкова на тему „Русские периодические издания XIX столетия“ с первыми гравюрами на дереве“ (30/XII г.). богатый фактическим материалом, библиографического характера, дал исчерпывающе полный обзор всех периодических изданий за рассматриваемый период. Докладчиком была дана характеристика отдельным более выдающимся периодическим изданиям, начиная с первого журнала с гравюрами на дереве „Живописного обозрения“ (1835 г.), кончая изданиями 60-х годов („Весельчак“, „Искра“ и др.).

Комиссия принимала участие в выставке произведений Тимма,—организованной „Обществом Друзей Книги“.

Библиологический Отдел.

В начале академического 1925-26 года в центре внимания Библиологического Отдела стояли вопросы организационного порядка. Отдел подверг пересмотру программу своей деятельности и соответственно этому точнее выявил роль, принадлежащую ему в общем плане работ Академии. В результате он реконструировался как самостоятельный научный орган, ведущий—помимо научно-вспомогательной работы и обслуживания других органов ГАН—также самостоятельную научно-исследовательскую работу по книговедению. Область его деятельности включает: 1) Библиографию (теоретические вопросы и специальные библиографии, гл. обр., по вопросам искусствovedения) и библиотековедение (задачи и методы работы искусствovedческой библиотеки); 2) Историю и теорию книги (книга как предмет типографского искусства и как социальный фактор; историческая эволюция книжных форм; типографская техника; законы конструкции книги; теоретические и методологические вопросы книговедения); 3) Изучение книги рукописной (гл. образом с художественной ее стороны: художественное письмо—древнее и новое,—художественный орнамент, миниатюра); 4) Изучение художественных архивов и разработка связанных с этим методологических вопросов. Соответственно этому принят был план членения Отдела на разделы: 1) Разряд Библиографии и Библиотековедения; 2) Разряд Истории и Теории Книги; 3) Разряд Палеографии и 4) Разряд Археографии. Вокруг этого основного ядра группируются прочие органы и ячейки Б. О., как-то: Кабинет Революционной Литературы (представляющий собой самостоятельный орган в составе Отдела, имеющий своей задачей изучение революционной литературы преимущественно в социологическом разрезе, и также библиографическую разработку указанной области), Библиографическая и Биографическая картотеки, Собрание репродукции и диапозитивов, Рукописное собрание, Графический архив и Книжно-художественное собрание. Далее следуют комиссии, носящие более или менее временный характер. За отчетный период при БО функционировали: Комиссия по истории и теории книги, преобразовавшаяся в разряд того же наименования; Комиссия по урегулированию выписки иностранной литературы, работавшая при участии представителей московских библиотек; Комиссия по библиографии русских периодических изданий по искусству, Комиссия по выработке плана

описания и составлению реестра русских иллюстрированных изданий, Комиссия по западно-европейской библиографии, Технологическая Комиссия, Комиссия по организации выставки А. В. Луначарского.

За отчетный период Отдел и его органы имели в основном плане работ след. заседания: Пленум имел 6 заседаний (8, 15 октября; 5, 12 и 19 октября; 17 декабря); два из этих заседаний были посвящены заслушиванию докладов, представленных разрядам Истории и Теории Книги (15/X и 17 XII), и одно—докладу, представленному разрядом Библиографии. Разряд Истории и Теории Книги имел 3 заседания (22 и 29 октября; 3 декабря) и представил два доклада на обсуждение пленума. Разряд Библиографии имел заседание (10 XII) и представил один доклад на пленум. Разряд Палеографии имел 2 заседания (13/XI и 21/XII; последнее — совместно с Академией Материальной культуры). Разряд Археографии имел 1 заседание (26/XI, совместно с разрядом Палеографии). Президиум имел 8 заседаний (1, 19, 26 октября; 11 и 24 ноября; 7, 14 и 17 декабря). Комиссия по Истории и Теории Книги имела 1 заседание (1/X), Комиссия по урегулированию выписки иностранной литературы—2 заседания (16/X и 11/XI), Комиссия западно-европейской Библиографии—2 заседания (6 и 13 ноября), Комиссия терминологическая—1 заседание (23/XII); прочие комиссии имели по несколько заседаний, созывавшихся в зависимости от хода производимой ими работы. Не считая этих последних общее количество заседаний за отчетный период составляет 27.

На заседаниях Пленума и Разрядов заслушаны были следующие доклады:

1) Н. К. Пиксанов: Об организации научной работы Библиологического Отдела (8 X).

2) М. А. Добров: О научной структуре Отдела (8 X).

3) Н. Ф. Гарелин: План работ отдела по истории и теории книги на 1925—26 г. (15 X).

4) И. Н. Розанов: Работа Отдела Истории и Книги Исторического Музея (15/X).

5) А. А. Сидоров: Связь научных работ Библиологического Отдела с работой б. органов Полиграфической Секции и план издательской деятельности (6/XI).

6) М. А. Цявловский: План работ Археографического Разряда (12/XI).

7) П. Д. Эттингер: План работ Полиграфической Комиссии Декоративной Секции (прочтен в порядке согласования работы; 12 XI).

8) Н. Ф. Гарелин: План работ Палеографического Разряда (13/XI).

9) Е. В. Мокршанская: Доклад Комиссии по библиографированию русских периодических изданий по искусству (сделанный от лица Комиссии; 19/XI).

10) М. А. Цявловский: Рукописи Пушкина в частных собраниях Москвы (26/XI).

11) Н. Ю. Ульянинский: О составлении списка русских иллюстрированных изданий за время с 1861—1907 г. включительно (3 XII).

12) Е. И. Шамурин: Библиографическая каталогизация и каталогграфия (10/XII).

13) Н. Ф. Гарелин: Методологическое значение изучения инкунабулов (17/XII).

14) О. А. Добиаш-Рождественская: Livres d'heures в их художественном и бытовом окружении (21/XII; совместно с Академией Материальной Культуры).

Кроме того имели место доклады и сообщения по более мелким организационным вопросам.

Из работ, произведенных Отделом за отчетный период должны быть названы следующие: установлен план составления библиографии русских периодических изданий по искусству и производилось собирание материалов по библиографическим указателям и по материалам Московских библиотек; работа, ведущаяся под руководством Н. К. Пиксанова, начата была еще летом и закончена приблизительно на половину. Разработан план и выработана форма регистрационной карточки по составлению реестра русских иллюстрированных изданий; работа по составлению такового реестра, начатая еще в прошлом семестре, производится сотрудниками Библиотеки под руководством Н. И. Пожарского и общим наблюдением М. А. Доброва. Составлен план по библиографированию полиграфических изданий и выполнение его распределено между Библиотекой и отдельными членами Разряда Истории и Теории Книги; выработан план работ по иностранной библиографии; составлен план учета и выделения книжно-художественных материалов; выработан план работы по терминологии книговедения. Подготовлена выставка А. В. Луначарского. Библиологический отдел через своего представителя Н. Ю. Ульянинского принял участие в работе организационного Бюро при Ц. Росс. Книжной Палате по созыву библиографического с'езда; по поручению Отдела произведено обследование нескольких художественных архивов.

Психофизическая Лаборатория.

Первое полугодие 1925/26 года прежде всего было посвящено разработке данных ряда исследований, проведенных предшествующем (первом) году существования Лаборатории. В результате таковой явилось три работы, принятых Редакционным Комитетом Академии к печати: 1) С. Н. Беляева-Экземплярская и Б. Л. Яворский—Восприятие ладовых мелодических построений; 2) С. В. Кравков—Об изменении кажущегося цвета в условиях цветного освещения (так называемый цветовой трансформации); 3) С. С. Скрябин—Исследование абстракции в связи с восприятием формы. Две первых работы составят содержание предположенного к выпуску в свет первого сборника „трудов“ Лаборатории.

По нескольким темам исследований прошедшего года разработка данных еще не закончилась. Таковы исследования: Н. П. Орстер: Взаимоотношение зрительного и моторного момента при восприятии форм, Т. Е. Карповцева—Эстетическое восприятие геометрических фигур и художественных картин.

Из названных выше сотрудников С. Н. Беляевой-Экземплярской и Б. Л. Яворскому удалось возобновить экспериментальные работы постановкой новой серии опытов в том же кругу вопросов, касающихся восприятия лада.

Ряд начатых в прошедшем году исследований потребовал продолжения собирания экспериментального материала. Таковы работы: Э. К. Розенова—О восприятии музыкальной симметрии, А. А. Смирнова—О соотношении восприятия целостных сочетаний и составляющих их элементов. Продолжалось также собирание материала в двух начатых в прошедшем году анкетных исследованиях: Л. Л. Сабанеева—О цветном слухе и П. С. Попова—О синопсиях в зрительном воображении.

В этом же полугодии удалось поставить две новых экспериментальных работы: Л. В. Благонадежиной—по исследованию музыкального узнавания и Н. А. Черниковой—О восприятии единства и множества.

Ряд работ, планы которых были подготовлены сотрудниками, к сожалению не мог быть поставлен потому, что выпущенное из заграницы и обещанное к доставке в октябре месяце оборудование не было получено Лабораторией.

Из достижений в области технического оборудования нужно отметить установку для хроноскопического измерения

времени, которую удалось осуществить в этом полугодии. Она дает возможность поставить исследования: П. А. Рудина—О влиянии эстетических впечатлений на течение процесса реакции, (проведены предварительные опыты), В. Н. Ланиной—О степенях сознательности при восприятии формы и количества геометрических фигур и В. М. Экземплярского—О соотношении сенсорного содержания представлений в процессах восприятия, репродукции и фантазии.

В научных заседаниях сотрудников Лаборатории были обсуждены и приняты планы новых исследований: Л. В. Благонадежиной—„О музыкальном узнавании“ (вышеуказанная уже начатая экспериментальная работа), В. А. Паульсон—Башмаковой на тему: „Кажущаяся величина и кажущееся движение при оптических иллюзиях“ О. А. Черниковой—„Изменение цветов под воздействием форм при эстетическом восприятии картин“.

Кроме того были организованы заседания с обсуждением докладов совместно с другими ячейками Академии — одно совместно с Физико-Психологическим отделением и Музыкальной Секцией (доклад Л. Л. Сабанеева—О цветном слухе) и два совместно с Физико-Психологическим отделением и секциями — Пространственных искусств и Декоративной (доклад С. В. Кравкова: „О новых американских работах по цветному зрению“ (рефлексная теория цветовых ощущений—Ф. Аллена) и его же—„О цветовой трансформации“ (результаты собственных экспериментальных исследований).

Характеризуя работы Лаборатории в целом, можно было бы сказать, что до настоящего времени ей удалось развить исследовательскую работу преимущественно в трех областях: восприятие цветов, вопросы музыкальной психологии и проблема восприятия формы.

Хореологическая Лаборатория.

Хореологическая Лаборатория, в соответствии с принятым планом работ на 1925—26 год, имела за осенний семестр 1925 г. 10 открытых заседаний, темы которых распределялись следующим образом: по разделу координации художественного движения к временно-пространственным формам были заслушаны доклады А. И. Ларионова — „Проблемы художественного движения под слово“ и Н. С. Познякова — „Координация музыкальных и пластических форм“; по разделу рациональной организации художественного движения — доклады И. С. Чернецкой — „Системы новой танцевальной техники на Западе“ и доклад А. А. Сидорова и А. И. Ларионова — „Проблема походки“; по разделу изучения систем записи движения доклады А. И. Ларионова — „Система ритмографии О. Десмонд“ и И. К. Линдемана — „Словесная фиксация танца в художественной литературе“; по разделу показательно-этнографическому доклад М. С. Макаровой — „Татарские народные пляски“ (с демонстрацией) и И. С. Чернецкой — „Танец на западе в 1925 г.“ наконец, по разделу физкультурно-физиологического изучения движения доклады Н. С. Филитиса — „Пляска, как средство физического развития“ и д-ра Т. Д. Фаддеева — „Значение коры головного мозга для художественного движения.“

Доклады эти являлись, с одной стороны, отчетными по экспериментальным работам Хореолаборатории за период 1924—25 акад. года (как, напр., о движении под слово, о координации музыкальных и пластических форм, а равно и по изучению походки), так, с другой стороны, к докладам были привлечены специалисты — научные работники по физкультуре и физиологии вообще или же специалисты в отношении техники художественного движения или в отношении этнографическом.

На ряду с плановым проведением изучения художественного движения в его основных разделах (т.-е. в смысле общей проблематики, в отношении временно-пространственных компонентов движения, в отношении техники, систем записи, в отношении этнографическом и, наконец, обще-физиологическом), за истекший период твердо определилась линия поведения в направлении, с одной стороны, принципиального объединения художественного движения с областью движений физкультурных и трудовых, а с другой стороны — в отношении уточнения методов и приемов исследования в каждой из этих частных

областей. Таким образом наметились научные контакты с соответствующими учреждениями, а именно с научно-техническим комитетом Высшего Совета физической культуры и с Центральным Институтом Труда.

Контакт с ВСФК вылился в следующие формы: Хореолаборатория была приглашена принять участие в работах комиссии по пляске, как средства физического развития, организованный при НТК ВСФК. Этой комиссией было выработано „Временное положение о пляске и танцах в клубах и общественных собраниях“, утвержденное пленумом НТК и разосланное на места в порядке циркуляра; кроме того, комиссией была произведена классификация плясок и танцев с соответствующей их квалификацией; в течение дальнейшей работы эта комиссия была превращена в постоянную секцию при НТК. Далее, Хореолаборатория участвовала в конференции научных работников по физкультуре, имевшей место при ВСФК в ноябре месяце 1925 года.

Из экспериментальных работ Хореолаборатории следует отметить работу, произведенную в отношении изучения движения посредством кино-съемки, которая даст возможность интерполировать движение в виде кривой, характеризующей своей формой данное движение; далее продолжена работа по изучению походки, и вообще по фото-документации движения, в частности способом хроно-фото или мультипликационной съемки. Далее, при Хореолаборатории образована картотека по словесно-художественному описанию танца.

Наметившаяся в течение отчетного периода научно-рабочая связь Хореолаборатории с ВСФК и ЦИТ'ом была непосредственно-реализована на 2-ой Выставке Искусства Движения, приуроченной к началу января, 1926 г.

Комитет Социологического Изучения Искусств Государственного Института Истории Искусств в Ленинграде.

Комитет Социологического Изучения Искусства образован 5-го декабря 1924 года, завершив тем самым все предшествующие ему попытки Отделов Г. И. И. И. по организации социологического изучения искусства. Являясь объединяющим органом работы Отделов в данном направлении, Комитет встал на путь социологического изучения Искусства не в его специфически различных формах проявления, а в его синтетическом значении в целом, основывая общие теоретические выводы на материалах, представленных и прорабатываемых специалистами того или другого Отдела Института.

Ближайшими заданиями Комитета являются:

а) разработка теории и методологии исторического материализма в искусствознании и в связи с этим исследование теоретических проблем в области искусства;

б) изучение форм и диалектики развития искусства, в частности послеоктябрьского, как дающие наибольшие возможности для выводов теоретического и методологического характера;

в) изучение крестьянского искусства СССР, в особенности в Северной области, позволяющего проследить законы взаимодействия города и деревни в художественной области;

г) выработка на основе социологического метода новых путей, приемов музейного строительства и классификации музейного материала.

Эти общие задания Комитета конкретизируются по Секциям Комитета следующим образом:

Секция Изучения Искусства Октября имеет цели: 1) Изучение всех материалов, касающихся искусства Октября, с 1918 г. по настоящее время; 2) изучение истоков рабочего искусства в дореволюционное время; 3) учет и изучение современной художественной жизни, в частности практики массовых празднеств Красного Календаря.

Задачами Музейной Секции являются: 1) разработка вопроса о применении социологического метода в музейном строительстве; 2) изучение и фиксация новых ростков музейного дела в Советской России; 3) разработка проектов и планов реорганизации бытовых, центральных художественных музеев в социологическом направлении.

Художественно-Педологическая Секция ставит своей задачей всестороннее исследование детского художественного творчества, при чем основными вопросами являются: 1) нормальный путь развития детского творчества; 2) зависимость художественных достижений детей от пола, происхождения (национальность, класс и среда); 3) отклонения от нормы, обусловленные особенностями физического развития и т. д.; 4) пределы и методы максимально-полезного педагогического, т.-е. воспитательного и учебного воздействия на детей.

Секция Общей Теории и Методологии Искусства является основной Секцией Комитета в плоскости научного разрешения теоретических проблем искусствознания, в частности в ее задачи входят: 1) обоснование социологического изучения искусства; 2) развитие и критическая проверка существующих основ (методов) искусствоведения; 3) теоретическая проработка всех вопросов, связанных с современной художественной политикой.

Наконец, образованная в конце 1925 года Секция Изучения Крестьянского Искусства Севера имеет своими задачами в связи с специально-экономическими и бытовыми условиями деревни, планомерное собирание и изучение крестьянского искусства во всех видах (изобразительного, музыкального, литературного и театрального); выяснение истоков возникновения народного коллективного творчества; организацию на местах и в центре ряда выставок по крестьянскому искусству в целях повышения технико-художественного уровня крестьянской промышленности; издание собранных материалов и исследований по крестьянскому искусству СССР.

Комитет, работая на правах Отдела Института, не имеет однако своего специального личного состава, подобно прочим Отделам (Изо, Музо, Тео и Лито), ибо в нем должны принимать участие научные работники всех Отделов Института. Кроме того, по общему положению о Комитетах, к работам Комитета Социологического Изучения Искусства привлекаются и посторонние Институту лица, в качестве специалистов.

Год работы Комитета (до 1-го января 1926 года), дал по Секциям следующие результаты:

По Секции Изучения Искусства Октября: Учеты: 1) празднества 1-го мая в Ленинграде; 2) Праздника Просвещения; 3) Дня Конституции; 4) Проведения Комсомольской Пасхи в клубах; 5) Просмотр живых газет рабочих клубов (3 июня и 18 мая); 6) Демонстрация достижения музыкальных кружков Ленинградских рабочих клубов в стенах ГИИИ 10 июня 1925 г.; 7) Учет Октябрьских торжеств.

Кроме того прочитаны были следующие доклады: Ф. И. Шмит — „Проблемы изучения революционного изобразитель-

ного искусства", А. И. Пиотровский—"Изучение театра эпохи Октябрьской Революции", Л. П. Якубинский—"Революция и язык", Я. А. Назаренко—"Проблемы изучения литературы эпохи Октября", В. А. Лебедев—"Первая революционная постановка Мейерхольда", А. И. Пиотровский—"Маевки с 1918 по 1924 г. в Ленинграде", Ф. И. Шмит—"1-е мая и дети", Н. П. Извеков—"Итоги работы по учету 1-го мая", Муратова—"Учет проведения в клубах Комсомольской Пасхи", Н. Н. Пунин—"Почему футуристы пошли в Октябрь", М. О. Бродский—"Установка изобразительного искусства в Октябре", Н. П. Извеков—"Учет и выводы по Октябрьским торжествам 1925 г."

Учет 5 массовых празднеств зафиксирован в карто-диаграммах.

По Секции Музейной выработаны реорганизованные планы по социологическому методу дома-музея б. Шуваловой, Дома-музея Юсуповых, Зал Классического Востока Эрмитажа, Музея Слепков Эрмитажа, наконец, проект выставки, рисующей экономические основы рода Шереметьевых. Причины, препятствовавшие проведению в жизнь первых планов, — закрытие и ликвидация Дома-музея б. Шуваловой и б. Юсупова.

При деятельном участии сотрудника Музейной Секции Фехнер была организована выставка "Старая Гатчина", в основу экспозиции архивного (и др.) материала был положен социологический признак. Сотрудниками Секции Кремковой, Гейченко, Шиманским производилась работа по переклассификации художественного бытового материала социологическим методом в Петергофе. Сотрудником Секции Миллером производилась аналогичная работа в Слуцке, Корсунской — в Детском Селе.

В Музейной Секции были прочитаны следующие доклады: М. В. Фармаковский—"Возникновение и история историко-бытового отдела Русского Музея", М. Д. Приселков—"Выставка купеческого портрета", В. К. Станюкович—"Бюджет Шереметьевых за период 1798—1910 г.", Н. А. Кожин—"Музей культуры промышленного капитализма в России", А. Н. Насонов—"Юсуповы, их владения и их хозяйства", В. М. Тихвинский—"Юсуповский особняк, как музей быта", В. М. Кремкова—"Дом-музей эпохи финансового капитализма в России (Дворец Палей в Детском Селе)", В. В. Струве—"Музей классического Востока в социологическом освещении", Н. Д. Флитнер—"Проект перепланировки зал классического Востока Гос. Эрмитажа", А. П. Черенков—"Отдел Классического Востока Эрмитажа с экскурсионной точки зрения", П. Н. Шульц—"Музей слепков Гос. Эрмитажа как материал для методологических работ по социологии искусства", Д. Д. Михайлов—"Принципы торгового капитала (к вопросу об организации музея этой эпохи)",

Алов — „Эволюция художественных вкусов у дворян-помещиков в XVIII, XIX вв. в связи с социально-экономической эволюцией эпохи“, Н. А. Кожин — „Задачи организации музея эпохи промышленного капитализма в России“, О. Ф. Вальдгауер — „Музей античной скульптуры в социологическом освещении“, он же — „Новые достижения в экспозиции германских музеев“, А. А. Починков — „Новые музеи, новые приобретения и новые расстановки в Италии“, Г. В. Сапожникова — „Возникновение Петергофа. Перелом в декоративном убранстве Петергофа в начале XIX в.“, В. М. Кремкова — „Петергофская государева вотчина второй четверти XIX в.“, Макаров — „Музейное дело в Гатчине“, Е. Ю. Фехнер — „Выставка старой Гатчины“.

По Секции Педагогической: 1) проработаны проекты программы ГУС'а для I и II ступеней по изобразительному искусству; 2) подготовлены выставки детского рисунка и прочитаны и обсуждены следующие доклады: Ф. И. Шмит — „Нормальный путь развития ребенка в области рисования“, А. М. Девет-Вознесенская — „Нормальный путь музыкального развития у детей“, Ф. И. Шмит — „Проект программы для I и II ступеней по изобразительному искусству“, В. И. Вейер — „Программа ГУС'а по изобразительным искусствам“, Б. С. Сиверский-Бутник — „Принципы классификаций детских рисунков“, он же — „Индивидуальное развитие детей рисовальщиков“, он же — „Методы живописного воспитания и обучения“, Л. Г. Оршанский — „Детские игрушки“.

В конце года Художественно-Педагогическая Секция была соединена с Секцией Общей Теории и Методологии Искусства, так как задачи художественного воспитания тесно связаны с общетеоретическими проблемами искусствавознания и психологией художественного творчества и восприятия.

В Секции Общей Теории и Методологии прочитаны были следующие доклады: А. В. Финагин — „Музыка и культура современности“, Б. М. Эйхенбаум — Я. А. Назаренко — „Дискуссия о теории формального метода“, Р. И. Грубер — „Социально-экономическое обоснование научно-художественных понятий“. Ф. И. Шмит — „Проблемы методологии искусствознания“, В. Н. Всеволодский-Гернгросс — „Марксистская точка зрения в применении к изучению истории русского театра“, М. С. Друскин — „О социологии в явлении художественного стиля“.

Секцией Изучения Крестьянского Искусства Севера разработана записка о необходимости первой искусствоведческой экспедиции, в связи с чем выработан план предварительных работ по подготовке экспедиции.

И, наконец, в Секции Изучения Крестьянского Искусства Севера помимо коллективного доклада на тему „Задачи изу-

чения крестьянского искусства"—Я. А. Назаренко, К. К. Романов, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, А. В. Финагин, Б. В. Казанский состоялся доклад Д. К. Зеленина — „Изучение народной техники Севера“.

В распорядительных заседаниях как Секций, так и особенно Президиума Комитета обсуждался целый ряд чисто организационных вопросов, в результате чего Комитет Социологического Изучения Искусства в настоящее время определяет сферу своей деятельности теми областями научного исследования, которое захватывает интересы всех Отделов. В центре работ Комитета стоит Секция Общей Теории и Методологии, которая должна стать руководящею, объединяя в себе проработку более общих проблем искусствознания, выдвигаемых отдельными секциями Комитета или членами Отделов в порядке их индивидуальной работы.

Не малую роль играли для Комитета вопросы вынесения работы Комитета в широкие массы, отдельными работниками делались доклады в Центральном доме Просвещения, Доме Искусств, в рабочих клубах и проч. При ближайшем участии работников Социологического Комитета организовано было общество „Теории и Социологии Искусства“.

Я. А. Назаренко.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От редакции

СОВЕТСКИЙ ОТДЕЛ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ ДЕКОРАТИВНЫХ ИСКУССТВ *В. Мориц*. 7

ОТДЕЛ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ГАХН: X-XII 1925

Социологическое отделение 18

Физико-психологическое отделение 22

Философское отделение. 26

Литературная секция 32

Театральная секция 38

Музыкальная секция 41

Пространственная секция 45

Библиологический отдел 50

Психофизическая лаборатория 53

Хореологическая лаборатория 55

ГАХН И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Комитет Социологического Изучения Искусств. *Я. Назаренко*. . 57
